

№ 40. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.: на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 20 к. С.-Петербургъ, 6 Октября 1879 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новая улица, домъ № 6. Годъ VII.

Широкій, дальній путь раскинутъ предъ тобою...

Стих. Кн. Дм. Голицына.

Широкій, дальній путь раскинутъ предъ тобою...
Чернѣютъ-ли на немъ и горесть и печаль
Грозящею душѣ и сердцу чередою,
Собою заслонивъ тускнѣющую даль?
Нѣтъ... рано... погоди! Несчастьямъ будетъ время,
Настанетъ слёзъ пора и горести чередъ,
Познаешь жизни ты безжалостное бремя...
Теперь... иди впередъ!

Потомъ настанетъ мигъ... Промчатся дни и годы,
Изчезнутъ съ ними всѣ счастливыя мечты;
Начнутъ грозить тебѣ гнетущія невзгоды,
Поймешь земную жизнь, поймешь несчастья ты.
Бороться будешь ты? Отчаяньемъ разбитый
Ты скоро прекратишь безумную борьбу;
Тогда иди искать, несчастный и забытый,
Спокойствіе въ гробу!

А если привлекутъ тебя земли забавы,
Наружностью своей чудесныя на взглядъ,
Какъ кубокъ золотой исполненный отравы,
Всѣ чувства усыпитъ въ тебѣ коварный ядъ.
Тогда, забывъ любовь и къ истинѣ стремленье,
Остатокъ прежнихъ лѣтъ съ презрѣніемъ поправъ,
Узнаешь счастье ты, узнаешь наслажденье
Среди земныхъ забавъ.

Простой романъ.

Повѣсть А. Федорова.

I.

Ужасную провела ночь Татьяна, сидя на холодной каменной ступенькѣ лѣстницы. Она вся продрогла въ своемъ тоненькомъ холстинковомъ платьѣ и худенькомъ дырявомъ платкѣ.

Страхъ ни на минуту не покидалъ ее. Что будетъ завтра? Что скажетъ ей начальница, если она замѣтитъ ея отсутствіе? Что скажутъ старшія дѣвушки? Онѣ такія злыя, все смѣются надъ ней. Сухая высокая Акулина, вѣчно накатывающая груды бѣлья на скалки катка, первая пойдетъ донести начальницѣ, что «Танька» только сейчасъ вернулась.

«Какая это Акулина безжалостная!» промелькнуло въ головѣ Татьяны. Съ тѣхъ поръ какъ ее привезли въ казенный домъ на прачешную, а ей было тогда пятнадцать лѣтъ, она неуклонно исполняла свою работу, никогда не отлучаясь ни на шагъ безъ позволенія, зорко слѣдя за поведеніемъ своихъ подругъ. Она пользуется довѣріемъ начальства; она получаетъ больше всѣхъ жалованья; у нея есть книжка въ вспомогательной кассѣ, есть вещи: шубка, нарядное шерстяное платье въ сорокъ копѣекъ аршинъ, зимняя и лѣтняя шляпки.

Татьянѣ сдѣлалось какъ-то еще холоднѣе въ ея дырявомъ платкѣ, плохо прикрывавшемъ ея худенькую фигурку. Она опустила голову на холодныя перила лѣстницы. Боже мой, какъ она у нея болѣла! Она такъ много плакала сегодня, что, наконецъ, Сергѣй вышелъ изъ себя и обѣщался какъ слѣдуетъ оттаскать ее за длинную русую косу.

— Нечего ревѣть! Еще цѣлую недѣлю проработаемъ надъ окраской и штукатуркой сосѣдняго дома. Выпьемъ лучше!

И она выпила два стакана пива и цѣлый стаканъ водки, а между тѣмъ меньше опьянѣла, чѣмъ когда-либо. Все также тяжко! Видно, еще больше надо водки, чтобъ залить такое горе! Фу, какъ гадко! Когда она не видитъ вина, оно ей противно и ей совѣстно за себя.

Совѣстно! чего тутъ совѣститься? Ужь если связалась съ Сергѣемъ, такъ вино послѣднее дѣло! Съ горя радъ боченокъ выпить!

Вотъ кончитъ Сергѣй работу, уѣдетъ къ зимнему Николѣ въ деревню, тамъ его женятъ... Непремѣнно женятъ въ этомъ году, онъ ей это самъ сказалъ...

Ну, тогда и конецъ всему, тогда не за что ее бранить и наказывать, она ужь бѣгать не станетъ по ночамъ ни къ кому!

Сердце такъ и щемитъ, точно клещами захватили... Этими большими клещами, которыми завертываетъ развинтившіяся гайки машины ихъ машинистъ.

«Который-то теперь часъ?» подумала снова Татьяна, всматриваясь въ окно, выходящее на дворъ съ лѣстницы.

Тускло бѣлѣлось сѣроватымъ свѣтомъ утренняя заря; груды наколотыхъ дровъ надвигались и точно придавливали своею тяжестью бѣлый фасадъ дома, въ которомъ, лѣниво потягиваясь и зѣвая, пробуждался рабочій людъ. Послышались тяжелые шаги дворника съ громадной вязанкой топлива. Татьяна встрепенулась и, быстро откинувшись въ сторону, спряталась въ темный уголъ. Когда дверь отворилась и пропустила дворника съ вязанкой, она ловко и незамѣтно юркнула за нимъ и, пробираясь между катками и столами, заваленными бѣльемъ, проскользнула въ длинную спальню. Но не успѣла она добраться и до половины комнаты, какъ со всѣхъ сторонъ градомъ посыпались на нее стоптанные башмаки ея товарокъ, а затѣмъ кто-то схватилъ ее за платье и громкій голосъ Акулины: «гдѣ пропадала бѣгальщица?» заставилъ ее вздрогнуть и остановиться.

Спальня тускло освѣщалась рожкомъ газа; растрепанныя заспанныя дѣвушки, точно тѣни, копошились возлѣ кроватей съ высокими туго набитыми соломенниками.

Проворно натягивали онѣ чулки и подбирали по полу раскинутые во всѣ стороны башмаки. Говоръ, смѣхъ и брань ни на минуту не умолкали. Нашлись и такія, которыя успѣли уже и побраниться за кофейникъ, стоявшій тутъ же на плитѣ ихъ кухни.

Но голосъ Акулины покрывалъ весь этотъ шумъ и гамъ.

— Погоди, бѣгальщица, погоди, безстыдница! кричала она вслѣдъ вырвавшейся отъ нея Татьяны,—упекутъ тебя за твое безстыдство, будешь ты свои пятки показывать. Вотъ я, какъ проснется начальница, тотчасъ же ей доложу объ твоихъ ночныхъ шатаньяхъ.

Но Татьяна не слыхала ея словъ. Она опрометью сбѣжала съ лѣстницы прямо внизъ на прачешную и, какъ ни въ чемъ не бывало, примкнула къ толпѣ дѣвушекъ, открывавшихъ краны горячей воды, съ шумомъ и паромъ льющейся въ большія деревянныя лоханки.

Сегодня работы было больше обыкновеннаго: шла пріемка недѣльнаго бѣлья. На высокомъ деревянномъ табуретѣ среди громадныхъ узловъ грязнаго бѣлья сидѣла ихъ надсмотрщица. Ея толстое, улыбающееся лицо и маленькіе, сѣрые глазки зорко слѣдили за всякой штукой, которая откидывалась привычной рукой старшей прачки. Наклоненная фигура этой прачки, такъ старательно сдающей сотни штукъ, выпрямлялась только при словѣ сто. Тогда Марья Васильевна, такъ звали ихъ старшую, загибала одинъ изъ пальцевъ и откидывала въ лоханку отсчитанную сотню. Паръ валилъ столбомъ; мѣрно скрипѣли машины, перевертывая между валами кинутое въ нихъ бѣлье. Толстыя, красныя руки, быстро и не отставая другъ отъ друга, усердно терли и намыливали. Высокія, рослыя, полныя здоровья и жизни лица низко нагибались надъ паромъ ящиковъ. Одуряющій запахъ грязнаго бѣлья, влажная атмосфера прачешной были имъ такъ привычны. Лѣниво позѣвывая, откидывали онѣ въ сторону выстиранныя вещи, изрѣдка перекидываясь словами.

Блѣдный свѣтъ начинающагося дня пробивался въ громадныя стекла оконъ, непріятно сливаясь съ ярко горѣвшими рожками газа.

Поодаль нѣсколько дѣвушекъ растряхивали вынутое и отжатое прессомъ бѣлье, а затѣмъ высокій, молодой парень снова набивалъ этотъ прессъ. Его сильныя руки съ засученными выше локтя рукавами кидали въ круглый проволочный чанъ громадныя охапки бѣлыхъ и цвѣтныхъ тряпокъ. Вотъ прессъ набитъ туго и снова пущенъ въ ходъ. Быстро вертится онъ, обдавая всѣхъ брызгами и холодомъ. Въ неумолкаемомъ его стукѣ слышится жалоба:

«Такъ всю жизнь постоянно отжимаю я всевозможныя тряпки, обдаю васъ брызгами и сырымъ, холоднымъ воздухомъ и вы все-таки лѣзете ко мнѣ. Фу, какъ вы мнѣ всѣ надоѣли!»

— Дядинька! а дядинька! раздается съ другого конца прачешной, возлѣ большихъ котловъ, набитыхъ биткомъ бѣльемъ.—Нешто не видишь, что ужь въ сласть кипѣло...

Маленькій, сгорбленный старичокъ подкатываетъ тележку къ одному изъ чановъ и начинаетъ вытаскивать палкой большія штуки бѣлья. Духота усиливается. Паръ валитъ столбомъ. И вдругъ чей-то громкій пискъ и крики: лови, лови! заставляютъ всѣхъ кинуться въ ту сторону, откуда раздаются эти крики. Вооружившись палкой, прессникъ Ананій быстро гнался за громадной крысой.

— Держи, не пускай! неистово кричалъ онъ.

Поднялась возня, многія дѣвушки вспрыгивали на скамьи, другія похрабрѣе, схвативъ метлу или ведро воды, усердно помогали преслѣдовать врага.

— Поймалъ! поймалъ! пищали всѣ, окруживъ Ананія.

А онъ, весь красный отъ восторга и усталости, улыбаясь во весь ротъ, крѣпко схватилъ за хвостъ свою жертву, высоко приподнялъ ее надъ головою.

— Ха! ха! ха! слышался громкій раскатистый смѣхъ.—Вотъ, погоди, откуситъ она тебѣ палецъ!

— У чортъ! тащи ее вонъ, чего тутъ лясы точитъ!

— Дѣвоньки, дѣвоньки, сустилась возлѣ нихъ старшая надсмотрщица.

— Бога вы не боитесь! ишь что бѣлья, а вы время попусту тратите!

Всѣ снова разбрелись по лоханкамъ. Наступила тишина и вдругъ звонкій голосъ Таньки пискливо затянулъ любимую пѣсню.

«За моремъ синичка не богато жила».

«Не богато жила, пиво варивала», подхватила вся прачешная.

II.

Громкій звонокъ машиниста прервалъ работу. Было уже двѣнадцать часовъ, часъ ихъ обѣда. Работая съ шести часовъ утра, двадцать человѣкъ настирало довольно бѣлья. Мокрыя, вспотѣвшія, пошли онѣ всѣ на верхъ въ свою спальню. Шумъ и гамъ утихъ; машины тоже отдыхали. Теперь онѣ блестѣли и выглядѣли величественно у стѣнъ большой прачешной. Мыла и грязной воды, потоками льющихся съ ихъ крышекъ десять минутъ тому назадъ, какъ будто и не бывало: лоханки симетрично уставлены одна возлѣ другой у оконъ, асфальтовый полъ, только что скаченный водою, чернѣлъ и сверкалъ; отъ грязныхъ лужъ, сору и раскиданнаго въ безпорядкѣ стиранаго и нестиранаго бѣлья—не оставалось и слѣда: все было прибрано. Въ чанахъ кипѣли другія простыни и одѣяла, въ прессу были набиты новыя бѣлыя тряпки. Прачешная отдыхала...

Въ катальной у каждаго стола навалены были цѣлыя груды выкатаннаго бѣлья. Три большихъ катка, смазанные и вытертые, выглядѣли весело. Въ этой комнатѣ было свѣтло и тепло.

Здѣсь послѣ долгихъ мытарствъ, стирки, пресса, сушки, отдѣлывалось, выкатывалось и гладилось чистое бѣлье.

Акуратно сложенное, лежало оно на длинныхъ столахъ, тянувшихся отъ входной двери почти вплоть до спальни работницъ.

— Что сегодня у стола? переговаривались между собою прачки, накидывая большія платки и забирая кто горшокъ, кто тарелку, кто деревянную чашку.

— Небось, опять селедки, да гороховый супъ, смѣялась черноглазая Поля, большая охотница до плясокъ и до пѣсенъ,—вотъ еслибы курочку жаренную, да картошку печеную съ масломъ, ай! то то бы хорошо было! чмокнула она губами.

— Ишь чего захотѣла! погоди, придетъ воскресенье, пироговъ дадутъ, то-то тогда наугостимся.

— Ну, вы, пустомели, ступайте за порціями къ столовщицѣ, закричала строгая Акулина,—чего тутъ безъ толку стоять!

Началось шлепанье стоптанныхъ башмаковъ; кто шелъ за порціей, а кто возвращался, таща въ горшкѣ гороховую похлебку, селедки и картофель.

— Таня, чего не ѣшь? подошла къ ней черноглазая Поля.—Видать, Сергѣй накормилъ? разсмѣялась она.

— Не хочется, въ горло не лѣзетъ, вздохнула Таня,—что то мнѣ будетъ отъ начальницы. Змѣя Акулька навѣрное нажаловалась.

— Полно дурить то, сегодня начальницѣ не до тебя, безъ того много работы, лучше кофею выпей... Я думаю, спать хочется? сказала Поля Татьянѣ.

Татьяна напилась бурды, называемой «кофе», причесала голову, прилегла на чью-то кровать въ самый уголъ спальни и когда часа черезъ два снова послышался звонокъ, сзывающій прачекъ на работу, она довольно бодро отправилась развѣшивать по палкамъ сушильни только что выстиранное бѣлье.

Часа три спустя, Поля дернула ее за рукавъ.

— Танька, Танька, Сергѣй мнѣ сейчасъ на дворѣ повстрѣчался, какъ я за сливками шла, наказывалъ тебѣ всенепремѣнно выйдтить къ нему за ворота... Вотъ и записку просилъ передать.

— Чортъ съ нимъ, изъ-за него только одно мученіе принимай! вспылила Танька.—Не жаль ему моей шкуры. Не пойду! рѣшительно проговорила она.

Но когда въ семь часовъ вечера кончилась работа, она не вытерпѣла и, не дожидаясь звонка къ ужину, опять юркнула съ лѣстницы на дворъ, а тамъ прячась между сложенными дровами, перебралась и за ворота.

Въ эту ночь Татьяна вернулась еще позднѣе. На душѣ кошки скребли. Сергѣй уѣзжалъ завтра въ деревню. Значитъ, всему конецъ! На каждомъ углу улицы, на каждомъ перекресткѣ, останавливалась она, желая продлить время разставанья. Ей все хотѣлось ему что то сказать, хотѣлось попросить о чемъ то, но слова не шли на умъ...

— Не забудь, не вспоминай лихомъ! вотъ все, что она могла проговорить и, крѣпко обнявъ его въ послѣдній разъ, скрылась за воротами дома.

Эту ночь, къ ея счастью, дверь не была заперта, Татьяна пробралась благополучно до самой катальни... Порядкомъ намерзлась она, стоя такъ долго на улицѣ; дрожь пробирала, голова сильно болѣла и тяжко такъ было...

Дойдя до дверей сушильни, Татьяна вдругъ вспомнила, что бѣлье, которое она стирала утромъ, осталось не все развѣшаннымъ и могло отъ синьки пойдти пятнами. Сегодня она даже не боялась остаться одна въ этой громадной комнатѣ, съ безконечной вереницей палокъ, увѣшанныхъ бѣльемъ. Она забыла даже о домовомъ, который, по понятіямъ всѣхъ дѣвушекъ, долженъ былъ обитать въ этой сушильнѣ. Пошаривъ на окнѣ, Татьяна зажгла огарокъ и отправилась вѣшать бѣлье. Послѣ стужи было такъ хорошо въ этой теплой, влажной, удушливой атмосферѣ. Какая-то истома чувствовалась во всемъ тѣлѣ. Перебираясь съ палки на палку, она таки порядочно устала, вся раскраснѣлась, ей сдѣлалось такъ жарко, что она даже скинула платье.

Прошелъ часъ. Все бѣлье было завѣшено, но когда она слѣзала съ послѣдней палки, ей показалось, что пахнетъ гарью, и чѣмъ ближе подвигалась она къ столу, на которомъ лежала куча сухого бѣлья, тѣмъ сильнѣе чувствовался этотъ запахъ. Что то горѣло... Огарокъ еле мерцалъ, упавши на бокъ; изъ подъ кучи юбокъ и кофтъ начиналъ пробиваться дымъ... Татьяна ужасно испугалась, однако не потеряла присутствіе духа, не закричала, никого не позвала на помощь и кое-какъ потушила затлѣвшееся бѣлье. Когда она, нѣсколько минутъ спустя, вышла снова въ катальню, вся мокрая и залитая водою, она еле держалась на ногахъ и, добравшись до своей кровати, всю ночь провздыхала, перевертывалась съ боку на бокъ.

На другое утро только и рѣчи было, что о погорѣвшихъ бѣлье Анисьи. Сама Анисья стояла у истлѣвшихъ юбокъ и вся красная озабоченно моргала глазами:

— Узнать бы только, кто моя лиходѣйка? Кто шутку со мною такую справилъ! Вытрепала бы я ей косу, жестикулируя, говорила она.

И подруги съ охами, ахами, безконечными коментаріями обступили ее. Но никто не хотѣлъ признать себя за лиходѣйку и когда начальница собрала ихъ всѣхъ въ комнату и долго уговаривала чистосердечно сознаться, обѣщая простить виновную, таковой не оказалось. Пришлось прибѣгнуть къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ. По приказанію старшей каждая изъ дѣвушекъ подходила къ образу и, крестясь передъ нимъ, должна была сказать:

— Не виновна, видитъ Богъ.

Когда очередь дошла до Татьяны, она поблѣднѣла и довольно твердо подошла къ образу, даже приподняла руку, чтобъ перекреститься, но рука эта какъ-то сама-собою опустилась и взволнованная дѣвушка прошептала побѣлѣвшими губами:

— Это я сдѣлала, видитъ Богъ, не нарочно!...

Черезъ часъ Татьяну позвали снова въ комнату начальницы. Къ ея счастью, все обошлось какъ нельзя лучше. Она отдѣлалась страхомъ и тѣмъ, что должна была купить и сшить сгорѣвшее бѣлье на свой счетъ. Не ожидала Татьяна такого благополучнаго исхода. За послѣднее время ей все какъ-то не удавалось и она начинала думать, не покончить-ли съ собою?

Заманчиво притягивала ее къ себѣ ихъ тяжелая машина, подымавшая бѣлье изъ прачешной на чердакъ. Стоило только положить голову на доски деревяннаго подъема въ то время, какъ желѣзный ящикъ опускали внизъ, и всѣмъ мученіямъ наступилъ бы конецъ...

Никогда Татьянѣ не было такъ тяжело, какъ теперь!..

Прежде достаточно было одного свиданія съ Сергѣемъ, чтобъ заставить ее забыть все, что приходилось вынести изъ-за него. Теперь и этого утѣшенія не стало. Отъ работы она совсѣмъ отбилась, изъ акуратной, старательной дѣвушки она превратилась въ неряшливую и лѣнивую. Ее безпрестанно манило уйдти изъ дому, пробѣжаться вдоль Невскаго, заглянуть въ освѣщенныя окна магазиновъ.

Каждый уголъ, каждый скверъ ей были знакомы: въ одномъ она гуляла съ Сергѣемъ, на другомъ поджидала его, чтобы отправиться вмѣсгѣ куда-нибудь въ трактиръ.

Въ первое же воскресенье, послѣ его отъѣзда, вмѣсто гулянья пришлось цѣлый день просидѣть, не разгибая спины, надъ ворохами скроенныхъ юбокъ. Скучно было Татьянѣ сидѣть одной на

столѣ катальни и шить. Вся прачешная разбрелась кто-куда, она затянула было пѣсню, но не пѣлось что-то. Сережка такъ и лѣзъ въ голову. Когда дверь отворилась и явился мастеръ смазывать и чистить катки, она обрадовалась его приходу,—все же живой человѣкъ. Не мало удивился и послѣдній, увидѣвъ за работою дѣвушку.

— Что же это вы, барышня, сегодня за рукодѣліе принялись? Неужто не надоѣло работать? спросилъ онъ Татьяну, подставляя лѣстницу къ катку.

Татьяна объяснила, почему ей приходится работать въ праздникъ, конечно, не упомянувъ при этомъ о причинѣ несчастья.

Кузьма Трофимычъ даже пріостановился вытирать и впускать масло въ катокъ, такъ заинтересовался онъ разсказомъ дѣвушки.

— Дѣло житейское, вы не сокрушайтесь, утѣшалъ онъ ее.—Живы будете,—наживете!

— Мнѣ все едино, я и не сокрушаюсь, есть чего! И безъ того жить тошно, махнула рукою Татьяна и, откидывая работу, она глубоко задумалась.

На этомъ разговоръ и кончился, а когда Кузьма Трофимычъ, передъ тѣмъ какъ уйдти, сказалъ ей: «прощайте, барышня, не убивайтесь такъ, ей Богу не стоитъ, плевое дѣло совсѣмъ!» она ничего ему на это не отвѣтила и только проговорила:

— Прощайте! весело вамъ гулять...

Когда на слѣдующее воскресенье Татьяна принялась за шитье оставшихся юбокъ, ей почему-то пришло въ голову, придетъ-ли машинистъ смазывать катки?

— Ай, какой онъ смѣшной! думала она: туда же въ утѣшеніе лѣзетъ! Кабы зналъ, какое у меня горе, не сталъ бы такіе примѣры чудные представлять!

Она поминутно поворачивала голову къ двери. Ей хотѣлось перекинуться словомъ съ человѣкомъ, который не зналъ ея прошлой жизни, не могъ презрительно относиться къ ней.

— Эта Акулька чистая вѣдьма, вертѣлось у нея въ головѣ:—кажется, ужь и безъ того человѣку тошнешенько. Что я ей дѣлаю? и пробѣжаться-то некуда, а она все донимаетъ.

Дверь скрипнула. Татьяна низко опустила голову на работу и начала прилежно шить.

— Позвольте съ вами поздоровкаться, барышня, проговорилъ мастеръ, подходя и подавая дѣвушкѣ руку.

— Отчего не поздоровкаться? разсмѣялась дѣвушка.—Что это вы опять катки смазывать пришли?

— Какъ-же-съ, наше дѣло—на томъ стоитъ. Мы и праздники мало соблюдаемъ, да признаться, домой не охота идти. Все едино тоска одному сидѣть. На работѣ скорѣе какое-нибудь удовольствіе себѣ выглядишь. Съ барышнями знакомство сведешь.

На это Татьяна ничего не отвѣчала, только задорно смѣялась, снова принимаясь за шитье.

Машинистъ влѣзъ на лѣстницу и началъ работать, изрѣдка взглядывая на дѣвушку, тихо напѣвающую пѣсеньки. И долго потомъ голосокъ Татьяны звучалъ у него въ ушахъ. Недѣля показалась почему-то длиннѣе обыкновеннаго и когда на слѣдующее воскресенье онъ взошелъ въ катальню, молодое личико дѣвушки, наклоненное надъ шитьемъ, показалось ему такимъ привлекательнымъ, что онъ проболталъ съ нею часъ времени, прежде чѣмъ взяться за работу.

Съ того дня Татьяна начала встрѣчаться съ мастеромъ и въ будни. То попадется онъ ей на прачешной, куда зайдетъ провѣдать прессника Ананія, то придетъ исправить отскочившую гайку вмѣсто товарища. При этихъ встрѣчахъ они притворялись удивленными и, перекинувшись парою словъ о какомъ-нибудь пустякѣ, расходились.

Только разъ позволилъ себѣ Кузьма Трофимычъ пригласить дѣвушку прогуляться съ нимъ, но она такъ укоризненно посмотрѣла на него, что онъ сконфузился даже и пробормоталъ:

— Извольте не сердиться, барышня. Видитъ Богъ, не желалъ васъ обидѣть!

О гуляньи больше никогда не было и рѣчи.

III.

Въ ту же зиму, двадцать седьмого февраля, въ спальнѣ дѣвушекъ совершалось какое-то торжество. Татьяна справляла свой дѣвишникъ. Туго накрахмаленныя синія въ клѣточку платья ея подругъ такъ и шуршали. Всевозможныхъ цвѣтовъ галстучки пестрѣли на бѣлыхъ воротничкахъ перелинокъ. Кровати были плотно сдвинуты вдоль стѣны. Вокругъ выдвинутаго на середину комнаты стола сидѣло много народу и на первомъ мѣстѣ Татьяна, въ шерстяномъ голубомъ платьѣ, подарокъ жениха, окруженная дѣвушками въ затѣйливыхъ прическахъ и въ яркихъ бантахъ. На столѣ горѣло двѣ свѣчи и стояла тарелка съ пряниками, орѣшками и разноцвѣтными дешевенькими ленточками.

— Ай, какъ весело! поминутно повторяли дѣвушки.

— Счастливая эта Танька, толковали въ другомъ углу комнаты.

— Скажите на милость, какого жениха себѣ подцѣпила, всячески мастеръ, жалованье получаетъ хорошее и человѣкъ смирный, вина не пьетъ, даже табаку не куритъ.

— Эхъ вы, разсудительницы! подошла къ нимъ черноглазая Поля, — что особеннаго въ женихѣ нашли? Я бы на мѣстѣ Таньки не пошла бы за него! Не суразый онъ какой-то! То-ли дѣло Сергѣй, взглянетъ—такъ на сердцѣ весело! Такого молодца стоило любить!

Подруги накинулись на Полю, говоря, что она такая же дура, какъ и Танька.

Но бойкую дѣвушку трудно было унять.

— Нечего глаза-то замазывать, кинула она имъ въ лице.—Каждая изъ васъ рада была бы Сережкѣ на шею повѣситься.

Дѣвушки смолкли и побѣда осталась на сторонѣ Пелагеи.

Хорошо, что Татьяна не слыхала этого спора, у нея и безъ того сердце болѣло, она и сама не помнитъ, хорошенько, какъ это случилось, что Кузьма Трофимычъ беретъ ее за себя замужъ.

Все чаще и чаще встрѣчался онъ съ ней. Все больше и больше разговаривалъ. Ей было пріятно его участіе; подарки, въ видѣ пряниковъ и леденцовъ, радовали ее какъ маленькую и заставляли на минуту забывать невеселую жизнь, ссоры съ подругами, ихъ попреки Сережкой. Презлыя были дѣвушки между этими подругами, нашлись такія, которыя разсказали объ ея исторіи съ Сергѣемъ и Кузьмѣ Трофимычу.

Однажды Кузьма Трофимычъ самъ заговорилъ съ Татьяной о красивомъ малярѣ. Татьяна ужасно взбѣсилась за такія сплетни и грубо отвѣчала машинисту, что никому до этого дѣла нѣтъ! Какой у нихъ послѣ этого вышелъ разговоръ, она хорошенько не помнитъ; одно только ясно: это то, что Кузьма Трофимычъ въ тотъ же день предложилъ жениться на ней, если онъ ей не противенъ.

Она согласилась на это предложеніе, потому что нисколько не считала его противнымъ; напротивъ даже: все пріятнѣе въ законъ вступить, чѣмъ маяться на прачешной!

Все это теперь Татьяна вспомнила, слушая свадебныя пѣсни подругъ и заливаясь слезами.

Впрочемъ, слушая эти пѣсни не одна невѣста плакала, многія изъ подругъ ея тоже считали своей обязанностью всхлипывать отъ умиленія, особенно когда голосистая Акуля-катальщица выводила:

«Ты рѣка-ли моя рѣченька!
Бѣжитъ рѣчка не сколыхнется,
Со песочкомъ не возмутится,
Съ бережками не сравняется.
Что же вы мои подруженьки смѣетеся?
На что, глядя, радуетеся?
У насъ полный дворъ каретъ стоитъ,
Полна горница гостей сидитъ;
Дорогихъ гостей все нѣтъ, какъ нѣтъ,
Дорагого гостя батюшки,
Со родною да со матушкой!
Снаряжаютъ меня подруженьки...
Благословляетъ меня чужой батюшка,
Что съ чужою матушкой!..

При послѣднихъ словахъ о матушкѣ даже невозмутимая Акуля прослезилась.

— Не намъ сиротамъ покинутымъ видѣть счастье! рыдала она.—Выросли мы промежъ чужихъ людей, не знали ни ласки, ни радости! Худо сдѣлали—некому учить, хорошо — некому похвалить! Такая наша и доля...

— Акуля! Акуля! Чтой-то разнылась, подхватила Поля,—всячески невѣсту утѣшать, веселить надо, а вы ревѣть пошли!.. Ай, наплакались мы довольно на своемъ вѣку.

— Давайте, подхватимъ-ка лучше веселую, подскочила она къ столу.

«Вы пиры, пиры Татьянушки,
Сборы, сборы жениховы.

Запѣли весело дѣвушки, за минуту передъ тѣмъ такъ горько плакавшія.

Въ Герцеговинѣ.

(Ст. д-ра **Щербакъ**.)

(*Окончаніе*.)

Глава XXVI.

Въ то время, когда происходило взятіе Билека, первый отрядъ съ П. Вукотичемъ во главѣ успѣшно отбиралъ всѣ форты Дужскаго прохода. Упорнѣе другихъ сопротивлялся фортъ Пресика, ближайшій къ Никшичу. Лѣсистая мѣстность давала возможность капитану Циклинскому безъ потери въ людяхъ придвинуть батареи къ опушкѣ, на разстояніи 600 шаговъ отъ форта. Наводку орудія приходилось дѣлать черезъ отверстія, продѣланныя въ толстой доскѣ, которой была заставлена амбразура, съ цѣлью защитить артиллерійскую прислугу отъ града пуль, сыпавшихся съ флангowыхъ башень внутренняго строенія въ укрѣпленіи.

Всѣ снаряды съ 9-ти ф. орудія, попадая въ цѣль, быстро разрушили часть стѣны, составлявшей наружную ограду и стали проникать во внутреннее зданіе, сдѣлавъ въ немъ широкую пробоину.

Этого уже не могъ вытерпѣть комендантъ форта и вывѣсилъ бѣлый флагъ, означавшій сдачу укрѣпленія (3 сент.).

Черногорцамъ досталось 700 ящиковъ патроновъ, 10 тысячъ окъ хлѣба и другихъ припасовъ.

Гарнизонъ изъ 80 чел. получилъ позволеніе вернуться домой съ оружіемъ въ рукахъ.

Взявши Пресику, черногорцы поспѣшили дальше и 5 сентября окружили кулу Ходжину Поляну, которая сдалась послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ.

По дорогѣ къ слѣдующему укрѣпленію Ноздрень въ артиллерійскомъ «дружествѣ» чуть было не разыгралась кровавая сцена, благодаря ослушанію черногорца Зеко передъ его прямымъ начальникомъ Джузо Вукотичемъ. Послѣдній, командовавшій 4-хъ ф. орудіемъ, состоялъ подъ

вѣдѣніемъ Циклинскаго. Зеко, не исполнивъ какого-то приказанія Джузо и опасаясь наказанія, убѣжалъ. Взбѣшенный неповиновеніемъ подчиненнаго, Джузо послалъ за нимъ въ погоню и объявилъ окружавшимъ, что онъ за такой поступокъ изрубитъ Зеко въ куски. Лишь только привели виновнаго, Джузо выхвативъ саблю, съ остервенѣніемъ бросился на него и непремѣнно привелъ бы свою угрозу въ исполненіе, еслибы подоспѣвшій въ это время Циклинскій не схватилъ его за руки, объявляя, что онъ не допуститъ подобной самовольной расправы.

Джузо, стараясь вырваться, клялся, что онъ убьетъ его перваго, если только Циклинскій будетъ мѣшать ему, но хладнокровный капитанъ со свойственнымъ ему самообладаніемъ спокойно отвѣтилъ волновавшемуся черногорцу,—что убить его, русскаго офицера, пріѣхавшаго помогать имъ, да притомъ ни въ чемъ неповиннаго, будетъ довольно трудно.

Слова эти заставили Джузо мгновенно опомниться; онъ отбросилъ саблю и тихо проговорилъ:

— Забудь, братъ, объ этомъ и прости меня!

Послѣдовали взаимные поцалуи, Джузо, Зеко и Циклинскаго и отрядъ, снявшись со стоянки, весело двинулся дальше.

Между тѣмъ воевода Врбица, съ противуположнаго конца Дужскаго прохода, подошелъ къ Злоступу. Послѣ нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ фортъ сдался съ 80 чел. гарнизона, который на этотъ разъ былъ отпущенъ по домамъ безъ всякаго оружія. Князь убѣдился наконецъ, что прежней системой выпускать вооруженныхъ плѣнныхъ, онъ только увеличиваетъ силы противника. Въ Злоступѣ было найдено 200 ружей, 150 ящ. съ патронами и множество мѣшковъ хлѣба.

8 сентября отрядъ Вукотича прибылъ къ форту Ноздренъ,—самому значительному укрѣпленію въ Дугѣ. Здѣсь, соединившись съ Врбицею, принявшимъ общее начальство за отъѣздомъ Вукотича къ князю, отрядъ окружилъ со всѣхъ сторонъ Ноздренъ.

Жалѣя артиллерійскихъ снарядовъ, которыхъ оставалось немного, Врбица предложилъ коменданту форта добровольно сдаться, на что тотъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, ссылаясь на то, что такая сдача противна воинской чести.

— Сдѣлайте по насъ отъ 80 до 100 выстрѣловъ, да и тогда мы еще подумаемъ, объявилъ онъ.

— Истратить такое огромное количество снарядовъ для насъ нѣтъ никакого расчета, возражалъ ему Врбица.—Довольно будетъ и 15; лучше соглашайтесь!

Турки отвѣтили на это выстрѣломъ изъ мортиры.

Циклинскій скомандовалъ... и двѣ гранаты, пробивъ ворота, угодили въ окна внутренняго зданія. Слѣдующія затѣмъ стали выбивать брешь и, кажется на 30-мъ выстрѣлѣ, Циклинскому удалось попасть въ какое-то сокровенное мѣсто форта, должно быть, въ гаремъ коменданта, какъ думали черногорцы. Вслѣдъ за этимъ рѣшительнымъ выстрѣломъ турки выкинули бѣлый флагъ и стали кричать, что сдаются.

Гарнизона въ Ноздренѣ было 160 чел. Черногорцамъ досталось одна гаубица, 400 ружей, громадный запасъ хлѣба и разнаго другого добра. Оружіе отъ плѣнныхъ было отобрано, а имъ приказано убираться, какъ можно дальше. Получивъ дозволеніе забрать пожитки, побѣжденные мигомъ приготовились въ путь и поспѣшно двинулись окольной тропинкой къ Мостару съ комендантомъ во главѣ.

Рядомъ съ этимъ послѣднимъ шли мулы, нагруженные огромными тюками, съ сидящими поверхъ ихъ турчанками.

Въ часовомъ разстояніи отъ форта, возлѣ глубокаго ущелья, бѣднаго коменданта ожидало нѣкоторое разочарованіе. Дѣло въ томъ, что онъ имѣлъ неосторожность заниматься упаковкой своего имущества, состоявшаго изъ яркихъ ковровъ, шелковыхъ одѣялъ, пуховиковъ, богатаго платья и т. п., слишкомъ на виду у черногорцевъ, у которыхъ, конечно, при видѣ такихъ прелестей—глаза разбѣжались. Нѣкоторые изъ нихъ, стоявшіе возлѣ злополучнаго коменданта, знаменательно переглянулись между собою и, вѣроятно, понявъ другъ друга, моментально исчезли.

Теперь же, какъ будто выросши изъ земли, они вдругъ предстали предъ нимъ, по обѣимъ сторонамъ тропинки и, меланхолично покуривая трубки, вопросительно посматривали на коменданта.

Тотъ все понялъ и сталъ безропотно слѣзать съ лошади. Но прежде чѣмъ разстаться со своимъ достояніемъ, онъ сдѣлалъ слабую попытку къ усовѣщиванью своихъ противниковъ.

— Воевода Машо позволилъ мнѣ взять мое имущество, за что же вы отбираете его отъ меня? обратился онъ къ черногорцамъ.

— Ты самъ виноватъ, отвѣчали тѣ.—Мѣсто, на которомъ ты стоишь, еще нами не завоевано, а слѣдовательно земля врага. Если ты на ней, ты нашъ врагъ. Зачѣмъ ты поѣхалъ, какъ воръ, тропинкой, а не прямой дорогой? Не жалѣй, у тебя всего много, а у насъ ничего нѣтъ!

А затѣмъ, оставивъ на комендантѣ и его женахъ только одежду, отобравъ при этомъ часы и другія золотыя вещи, черногорцы раздѣлили все остальное между собою поровну.

Вечеромъ того же дня артиллеристы съ криками «живіо» поднесли Циклинскому, въ знакъ признательности за искустную стрѣльбу, новенькій съ иголочки мундиръ турецкаго маіора.

Оставалось взять еще небольшое укрѣпленіе Смежево. Гарнизонъ его, числомъ 20 чел., упросивъ черногорцевъ сдѣлать по нимъ нѣсколько выстрѣловъ, немедленно сдался.

Такимъ образомъ, Дужскій проходъ, постоянно игравшій кровавую роль въ войнахъ турокъ съ герцеговинцами и черногорцами, находился теперь во власти послѣднихъ.

Сформировавъ новый отрядъ, подъ командою Вукотича *) въ составѣ 14 баталіоновъ, при 9 орудіяхъ, въ которыхъ общее завѣдываніе было возложено на Врбицу, а Гейслеру были поручены 4 русскихъ орудія, съ находившимися при нихъ 4-мя фейерверкерами, князь приказалъ Вукотичу двинуться въ Пиву на Горанскъ **), самъ же, чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ, отправился 9 сентября со штабомъ и съ остаткомъ войска по Дужскому ущелью, въ Никшичь.

Восьмидневный походъ съ характеромъ боевой прогулки, доставившій черногорцамъ 5 фортовъ и городъ съ укрѣпленіями, обошелся имъ около 10 человѣкъ раненными.

Глава XXVIII.

Вслѣдъ за отъѣздомъ князя въ Никшичь двинулся въ походъ и Вукотичъ. Раннимъ утромъ 10 сентября отрядъ его вступилъ въ Гацкое поле,—самую обширную и плодородную долину въ Герцеговинѣ. Замкнутая со всѣхъ сторонъ цѣпью высокихъ горъ, со множествомъ вѣтвистыхъ отроговъ, долина имѣетъ видъ огромной котловины. Остроконечныя высоты горныхъ кряжей съ рѣдѣющей на нихъ туманной полосой чернѣются профилями глубокихъ ущелій, прорѣзывающихъ горы въ разныхъ направленіяхъ. Надъ всѣми ими возвышается Метохія съ бѣлѣющимъ вдали турецкимъ лагеремъ. По склонамъ горъ разбросаны погорѣлыя села, слѣды недавняго возстанія. Все это придаетъ мѣстности угрюмый и дикій видъ.

Моросившій ночью дождь полилъ съ утра ливнемъ. Съ опущенными книзу ружейными дулами, прикрывая ихъ концами струкъ, быстро переходили черногорцы долину Гацко на виду у непріятеля въ Метохіи: турки, казалось не хотѣли замѣчать ихъ.

Къ полудню всѣ войска подошли къ крутымъ, высокимъ хребтамъ, за которыми начинался Пивскій округъ. Орудія пришлось разобрать, такъ какъ въ горы шли только узкія тропинки, по которымъ не было никакой возможности тащить ихъ на колесахъ.

Медленно потянулась длинная вереница черногорцевъ, неся на плечахъ отдѣльныя части разобранныхъ пушекъ, привязанныя къ носилкообразнымъ перекладинамъ.

Впереди ихъ, а также по сторонамъ, въ ущельяхъ и на гребняхъ разсыпались другія группы, зорко высматривая непріятеля и всегда готовыя отразить неожиданное нападеніе.

Скользя ежеминутно по размокшему во многихъ мѣстахъ глинистому грунту, проваливаясь то и дѣло въ промытыя дождемъ рытвины, сгибаясь подъ тяжестью 9 орудій, черногорцы шли бодро и оживленно, покуривая изрѣдка трубки, скрытыя отъ дождя въ рукавахъ гуннъ. Одни острили, другіе разсказывали эпизоды изъ недавняго прошлаго. Ихъ говоръ и рѣзкіе крики при подъемахъ на крутые скаты, сливаясь съ шумомъ равномѣрно падавшаго дождя, какъ-то странно оживляли глухую и дикую мѣстность. При спускѣ съ горы одинъ изъ числа несшихъ 9 ф. орудіе, поскользнувшись, упалъ, товарищи его, потерявъ равновѣсіе выпустили дуло 80 пудоваго орудія, которое свалившись ему на ноги, раздавило ихъ въ пластъ. Черезъ нѣсколько часовъ бѣднякъ скончался.

За первымъ хребтомъ слѣдовалъ второй, третій и еще нѣсколько. На смѣну изморенныхъ тяжелою ношей людей являлся свѣжій баталіонъ и такимъ образомъ перебранъ былъ весь отрядъ.

Наступила ночь. Дождь лилъ, не переставая. Сдѣлавъ короткій, ночлежный привалъ, отрядъ утромъ 11 сент. подошелъ къ послѣднему горному кряжу, находившемуся уже въ Пивскомъ округѣ. За этимъ кряжемъ находился Горанскъ.

Расположившись въ лощинѣ у подошвы горы съ нѣсколькими баталіонами, при 4-хъ орудіяхъ, имѣвшихъ значеніе резерва и, въ случаѣ нужды, прикрытія для тыла, Вукотичъ отправилъ другую, большую часть отряда подъ начальствомъ Врбицы, при которомъ находились Сочица и Гейслеръ, на гребень послѣдняго горнаго кряжа, откуда открывался Горанскъ.

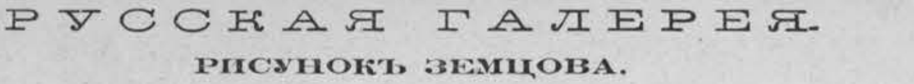
Взобравшись съ отрядомъ на горный хребетъ, Врбица немедленно разставилъ сторожевые пикеты на сосѣднихъ высотахъ и сталъ выбирать съ Гейслеромъ позиціи для батарей.

Горанскъ лежитъ на плоскогорьи, имѣющемъ около 9 кв. верстъ. Скаты его идутъ почти отвѣсно къ берегамъ рѣчекъ, Буковины и Пивы, съ притоками, ограничивающими плоскогорье съ сѣвера, востока и запада. По другую сторону этихъ рѣчекъ, къ берегамъ ихъ, круто обрываются склоны высокихъ, лѣсистыхъ горъ: Столаца, Ожура, Закомень и др., образуя во многихъ мѣстахъ нависшіе, скалистые выступы.

Такимъ образомъ, плоскогорье Горанска окружено узкимъ дефилэ съ отвѣсными стѣнами къ обнаженному плато, дѣлающими доступъ къ нему почти невозможнымъ, кромѣ южной стороны, откуда идутъ двѣ горныя тропы: одна въ Дробнякъ (на сторонѣ Калашина), другая — въ Метохію, близъ которой расположился теперь черногорскій отрядъ.

*) Въ отрядѣ находились также и Лазарь Сочица съ герцеговинскими батальонами.

**) Помимо стратегическаго значенія Горанска надъ Пивскимъ округомъ въ немъ, по слухамъ, хранились громадные запасы хлѣба.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ ЗЕМЦОВА.

Михаилъ Скопинъ-Шуйскій на крестинномъ пиру у кн. Воротынскихъ.

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ» въ С.-Петербургѣ.

Городъ, въ числѣ 40 до 50 домовъ, окруженъ толстой, каменной стѣной съ бойницами. На разстояніи ста саженей отъ него расположена крѣпостца *) или оборонительная казарма,—довольно высокое зданіе въ 60 саж. длины и 30 ширины, обнесенное крѣпкою, каменною стѣною, въ которой устроено нѣсколько амбразуръ для орудій и бойницы. Къ угламъ крѣпостцы примыкаютъ 4 высокія башни бастіоннаго начертанія.

Впереди ея, на разстояніи 150 до 400 саж., находятся 4 каменныхъ блокгауза. Самый главный изъ нихъ, помѣщаясь на высокомъ, крутомъ, скалистомъ холмѣ Стражештивой Главицы, по своему возвышенному положенію, командуетъ всѣмъ плоскогорьемъ и замыкаетъ доступъ къ Горанску. Значеніе его вслѣдствіе этого было первостепенное.

Позиціи для батарей были выбраны на горахъ: Столацѣ и Леденицѣ. Черногорскіе артиллеристы, вмѣстѣ съ русскими фейерверкерами **), принялись немедля за сооруженіе батарей и часа черезъ 2 все было готово, орудія ***), числомъ 5, установлены.

Сдѣлавъ небольшую рекогносцировку мѣстности по сосѣдству съ выбранными позиціями, Врбица пригласилъ затѣмъ Гейслера и Сочицу на совѣщаніе.

Планъ его заключался въ слѣдующемъ: атаковать блокгаузъ на Стражештивомъ холмѣ и взять его штурмомъ; втащить на него затѣмъ два 9 ф. орудія и начать тотчасъ же бомбардировать крѣпостцу. Тѣмъ временемъ Сочица съ герцеговинскими батальонами, которымъ, какъ уроженцамъ страны, мѣстность эта была до мельчайшихъ подробностей извѣстна, должны были, лавируя ущельемъ, вкарабкаться въ тылъ атакуемой крѣпостцы и, выждавъ условный сигналъ, броситься на приступъ. Три другихъ кулы, какъ не имѣвшихъ особеннаго значенія, держать подъ слабымъ огнемъ. Планъ былъ трудный, смѣлый, рискованный, но, въ случаѣ удачи, рѣшалъ все дѣло разомъ. Сочица и Гейслеръ приняли его съ восторгомъ.

Густой туманъ, заволокнувъ всю мѣстность, не давалъ возможности начать дѣло тотчасъ же. Приходилось выжидать, пока погода хотя сколько-нибудь прояснится.

Разставивъ, кромѣ отдаленныхъ пикетовъ, еще ближайшую передовую цѣпь, Врбица далъ измореннному войску небольшой отдыхъ.

На слѣдующій день, 12 сентября, въ 2 часа пополудни, туманъ сталъ разсѣяваться и, лишь только явилась возможность разобрать цѣль, Гейслеръ съ помощникомъ своимъ Джузо разомъ открылъ по Стражеште сосредоточенный огонь съ 2-хъ батарей ****); непріятель отвѣчалъ имъ 3-мя орудіями. Къ 6 часамъ вечера каменный блокгаузъ представлялъ однѣ только развалины. Турки скрылись въ окружавшихъ укрѣпленіе шанцахъ и за обломками стѣнъ, откуда завязали упорную перестрѣлку.

Приближалась ночь. Черныя тучи, задернувъ все небо, неподвижно повисли надъ Горанскомъ. Вѣтеръ стихалъ, въ воздухѣ наступала мертвая тишь, нарушаемая только отрывистыми выстрѣлами. Но это длилось не долго... Исполинская молнія, ярко озаривъ весь небосклонъ, разразилась въ страшный громовый ударъ, потрясшій землю... За нимъ другой, третій... Раскаты грома сливались съ эхомъ горъ въ протяжный гулъ... Тысячи огненныхъ змѣй, избораждивая тучи, освѣщали мѣстность дрожащимъ блѣднымъ свѣтомъ. Шумъ прорвавшагося ливня смѣшался въ общій хаосъ...

Въ это время у подножія Стражешти замелькали черныя фигуры. Цѣпляясь за каменья, они ползли вверхъ по крутому скату, постепенно исчезая одна за другой. Турки ничего не замѣчали... Вдругъ изъ-за ограды непріятельскаго шанца, освѣщенныя молніей, высунулись головы съ ятаганами въ зубахъ... это были черногорцы, взобравшіеся при посредствѣ плечъ и спинъ другъ друга въ тылъ атакуемымъ...

Дикіе возгласы, ревъ и крики съ глухими выстрѣлами револьверовъ слились въ зловѣщій стонъ. Пошла рѣзня... 5 черногорцевъ убито, 10 ранено. Турокъ убито 25 чел., другихъ сбросили внизъ. Стражешти взята штурмомъ.

Оставалось теперь втащить на вершину ея орудія. Приспособленій не имѣлось. Въ нервномъ возбужденіи, одушевленные побѣдой, черногорцы, взваливъ на плечи стальную массу двухъ 9 ф. орудій, полѣзли съ ними къ вершинѣ крутого холма. Требовались гигантское напряженіе и ловкость исполнить эту операцію. Дорогой черногорцамъ служила узкая тропинка, высѣченная въ скалѣ неправильными ступеньками и превратившаяся теперь отъ дождя въ ложе потока.

При блескѣ молніи они казались демонами, возставшими противъ неба. Оступись нога, — и вся эта живая масса, увлекаемая тяжестью стали, рухнула бы въ пропасть. Но черногорцы не сорвались, — они внесли! Гроза стала утихать, но дождь лилъ, не переставая.

«Брзо! Соколе, брзо!..» раздавался прерывистый голосъ Врбицы, выворачивавшаго камни наравнѣ съ прочими черногорцами для складки бруствера. Орудія установлены и батарея готова.

Чрезмѣрное физическое напряженіе требовало отдыха... Была полночь. Убаюкиваемые свистомъ вѣтра и равномѣрнымъ шумомъ дождя, черногорцы, завернувшись въ дырявыя струки, стали засыпать.

. . . .

Заберезжился востокъ. Холодный утренній вѣтеръ, разогнавъ туманную мглу, открылъ глазамъ изумленнаго непріятеля грозную черногорскую батарею, царившую надъ городомъ и крѣпостью. Не успѣли еще зарядить орудій, какъ на турецкой башнѣ взвился бѣлый флагъ! Горанскъ, считавшійся неприступнымъ, сдался!..

Комендантъ крѣпости, бимъ-паша Мустафа-эфенди, прибывъ на батарею вскорѣ послѣ выставки мирнаго флага, вручилъ Врбицѣ ключи отъ города и сталъ упрашивать его дозволить гарнизону, въ числѣ 500 человѣкъ, находившемуся въ крѣпости, вернуться домой при оружіи. Въ послѣднемъ Врбица отказалъ наотрѣзъ и объявилъ коменданту, чтобы онъ со своими солдатами, сдавъ черногорцамъ все оружіе, немедленно убирался бы куда глаза глядятъ, въ противномъ случаѣ...

Воевода очень внушительно провелъ рукою по горлу...

Мустафа поспѣшно удалился исполнять полученное имъ приказаніе.

Жителей въ городѣ почти не было; они еще до прихода черногорцевъ убѣжали въ Метохію. Побѣдителямъ достались 3 орудія, до 600 ружей, запасъ пороха и артиллерійскихъ снарядовъ и громадный складъ хлѣба.

Спустя часъ времени, прибылъ Вукотичъ. Нарочнаго за нимъ Врбица послалъ тотчасъ же послѣ прихода коменданта на черногорскую батарею.

Почтенный начальникъ отряда, вѣроятно, досадуя, что сдача Горанска произошла не въ его присутствіи, сталъ распекать Врбицу за какія-то небывалыя упущенія. По его мнѣнію и стрѣльба была не мѣтка, хотя развалины блокгауза доказывали противное, и штурмъ былъ преждевременъ, а между тѣмъ боевое знамя черногорцевъ, развѣвавшееся на башнѣ крѣпостцы, свидѣтельствовало иное. Какъ бы то ни было, но воеваначальникъ разбушевался.

Тогда черногорцы подвели ему въ даръ арабскаго коня Мустафы-эфенди. При видѣ красиваго животнаго разгнѣванный воевода сталъ успокоиваться. Когда же обязательные побѣдители вручили ему знаки отличія, оправленные въ драгоцѣнные камни, принадлежавшіе коменданту, тогда уже окончательно гнѣвъ воеводы перешелъ на милость. Драгоцѣнные знаки эти были подарены черногорцамъ самимъ Мустафой, какъ утверждали многіе изъ нихъ, — сдѣлалъ онъ этотъ подарокъ съ горя, въ виду мрачной перспективы возвращенія домой съ обезоруженными воинами. А можетъ быть, это былъ такой же подарокъ, какъ новенькій мундиръ другого коменданта въ Ноздренѣ, поднесенный Циклинскому. Слухи объ этомъ ходили двоякіе.

Имущество, хранившееся въ Горанскѣ, — домашняя утварь, платье, постели и пр., на этотъ разъ было разобрано черногорцами поровну и безъ скандала съ лопатой, какъ это происходило въ Билекѣ.

Военныя пѣсни побѣдителей, размѣстившихся кругомъ пылавшихъ костровъ, ихъ громкіе крики «живіо» и выстрѣлы изъ револьверовъ оглашали воздухъ до поздней ночи.

Паденіе Горанска относится къ числу выдающихся событій въ эпопеѣ черногорской войны 1877—78 годовъ. Мощная физическая сила народа въ борьбѣ съ громадными препятствіями дикой природы выразилась здѣсь въ самой рельефной формѣ. Голодный, въ рубищѣ, но экзальтированный успѣхомъ, черногорецъ, не знаетъ преградъ. Разумно руководимый, онъ совершаетъ изумительные подвиги. Турки наивно сознавались, что, увидѣвъ батарею противника на Стражеште, они заподозрѣли тутъ помощь злого духа.

Если съ одной стороны паденію Горанска содѣйствовала до нѣкоторой степени паника мусульманскаго населенія Герцеговины, послѣ взятія черногорцами Никшича и Дужскаго прохода, то съ другой стороны Горанскъ въ стратегическомъ отношеніи почти непреступный, обладая вдоволь провіантомъ для упорной защиты при осадѣ, палъ, благодаря главнымъ образомъ выполненію черногорцами смѣлаго плана Врбицы, а также искуству и энергіи его сподвижниковъ: капитана Гейслера и Лазаря Сочицы. Съ паденіемъ Горанска весь Пивскій округъ перешелъ во власть черногорцамъ.

Получивъ извѣстіе о побѣдѣ, князь 15 сентября прислалъ распоряженіе Вукотичу идти на Метохію или на Калашинъ, сообразно личному усмотрѣнію воеводы. Вукотичъ двинулъ войска на Калашинъ, хотя движеніе на Метохію представлялось выгоднѣе, такъ какъ большинство жителей оставили ее изъ боязни налета черногорскаго отряда.

По пути къ Калашину находчивый главнокомандующій вспомнилъ, что доставка провіанта въ эту сторону въ такое дождливое и холодное время сопряжена съ большими затрудненіями. Чтобы выйдти изъ непріятнаго положенія, Вукотичъ, сдѣлавъ уже треть пути, послалъ письмо его свѣтлости, въ которомъ, излагая неудобства предпринятаго имъ похода,—просилъ князя разрѣшенія повернуть войска въ Никшичъ. Дѣло въ томъ, что послѣ взятія Горанска, почтенному воеводѣ весьма не хотѣлось предпринимать новый походъ. Непрерывные дожди, холодные вѣтры и отсутствіе всякихъ удобствъ дѣйствовали на него подавляющимъ образомъ, вызывая дурное расположеніе духа и мелочную раздражительность.

Князь не замедлилъ прислать свое согласіе и отрядъ направился къ Никшичу.

*) По сербски «Квертла».

**) Ихъ было четверо: Семеновъ, Демницкій, Желѣзновъ и Матьякъ.

***) Два 9 ф. (русск.), два 4 ф. (русск.) и одно 3 ф. черногорское.

****) Дистанція со Столацъ на 725 саж., съ Леденице на 425 саж.

Въ это время его свѣтлость собирался ѣхать на нѣсколько дней въ Орія Луку, чтобы оттуда отправиться въ Цетинье.

Наканунѣ отъѣзда князя изъ Никшича, къ нему пріѣхалъ проститься полковникъ Филиппенко, который, окончивъ свою дѣятельность въ Черногоріи, отправлялся въ Россію.

Задача, выпавшая на долю Филиппенко, была не маловажна. Ему приходилось съ самыми ничтожными средствами организовать производство боевыхъ снарядовъ и, кромѣ того, исправлять всякаго рода оружіе. Для этого необходима была большая энергія и глубокая любовь къ дѣлу. Борясь съ громадными трудностями и лишеніями впродолженіи 8 мѣсяцевъ, онъ вышелъ, наконецъ, полнымъ побѣдителемъ всѣхъ препятствій,— закончивъ организацію плавильни и слесарьни, обученіемъ 12 черногорскихъ юношей техникѣ производства снарядовъ такъ, что они уже могли работать безъ руководителя.

Въ 60-хъ годахъ на него было возложено подобное же порученіе: устроить вооруженныя силы въ Китаѣ, исполненное имъ съ той же добросовѣстностью и знаніемъ дѣла, какъ и въ данномъ случаѣ.

Какъ дѣятель и человѣкъ, Филиппенко принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ честныхъ, непокладистыхъ натуръ, которыя въ мирное время общественной жизни не всегда пригодны. Онѣ слишкомъ много знаютъ, видятъ и слышатъ. Большая часть изъ нихъ люди съ инціативой—свойство весьма почтенное, но подчасъ слишкомъ раздражающее нервы у многихъ.

Въ тяжелыя годины народныхъ бѣдствій, когда у государственнаго организма увеличивается спросъ на патріотизмъ, неподкупность, гражданское мужество, о такихъ людяхъ вспоминаютъ и разыскиваютъ ихъ, а затѣмъ проходитъ время, все входитъ въ прежнюю колею и непокладистые дѣятели забываются...

Радушно поблагодаривъ полковника за все имъ сдѣланное въ Черногоріи, его свѣтлость за вечернимъ столомъ предложилъ въ честь его тостъ и вручилъ ему орденскій знакъ Данилы I за независимость Черногоріи.

На другой день князь прибылъ въ Орія Луки, гдѣ отдалъ приказъ по войскамъ: всѣ черногорскіе баталіоны распускаются на двухъ недѣльный отдыхъ; герцеговинскіе же баталіоны займутъ Дужскій проходъ, Билекъ и Горанскъ для наблюденія за турками.

Къ 25-му сентябрю князь пріѣхалъ въ столицу.

Черногорцы стали поговаривать о походѣ на Югъ.

Золото и имя.

(Романъ г-жи **Шварцъ**.)

(*Продолженіе.*)

VIII.

На другое утро всѣ гости, находившіеся въ Гартонкуртѣ, собрались къ завтраку въ большую столовую; только маркиза съ Сиднеемъ разговаривали въ маленькой залѣ. При послѣднемъ звонкѣ, сзывавшемъ къ столу, лордъ Кастертонъ, ведя подъ руку молодую даму, вошелъ прямо въ маленькое зало. Голосъ Эдвина заставилъ ихъ обернуться, такъ незамѣтно приблизились они къ разговаривающимъ. Сидней отступилъ на шагъ, узнавъ Эльвиру, она также вскрикнула, сильно покраснѣвъ.

Взволнованная Эльвира ничего не поняла изъ привѣтственныхъ словъ маркизы, она опомнилась при поцѣлуѣ послѣдней. Эдвинъ совсѣмъ привелъ ее въ себя, сказавъ:

— Я нахожу излишнимъ представлять господина Лембурна лэди Кастертонъ, обоюдное удивленіе ясно доказываетъ, что вы знаете другъ друга.

Эльвира посмотрѣла на мужа, ее кольнула его улыбка.

— Ты правъ, Кастертонъ, сказалъ Сидней, кланяясь Эльвирѣ,—я еще недавно имѣлъ честь прощаться съ милэди въ Висбаденѣ. Я очень удивился, узнавъ въ лэди Кастертонъ — миссъ Бромеръ; но это нисколько не мѣшаетъ мнѣ отъ всей души пожелать тебѣ счастья отъ этого выбора. Надѣюсь, милэди, что вы будете счастливы, чего вы вполнѣ достойны!

Затѣмъ они направились къ остальнымъ гостямъ, которымъ маркиза представила лэди Кастертонъ. Эдвинъ во все продолженіе завтрака былъ молчаливъ; въ его обращеніи съ маркизой было много обдуманности. Пріятная наружность Эльвиры привлекла къ ней какъ дамъ, такъ и мужчинъ, не смотря на ея неувѣренность въ обращеніи; она казалась такъ молода, что внушала невольную симпатію. Лордъ Кастертонъ былъ любезенъ, внимателенъ съ молодою женою, но что-то принужденное проглядывало въ ихъ отношеніяхъ. Она опускала глаза, когда онъ заговаривалъ съ нею, и, казалось, не смѣла встрѣтить его взгляда, очень рѣдко останавливавшагося на ней.

Первый день, проведенный Эльвирою въ Гартонкуртѣ, прошелъ очень пріятно. Маркиза плѣнилась ею, родные старались оказывать ей всевозможное вниманіе; если лесть и чрезмѣрное ухаживаніе могли доставить удовольствіе, то Эльвира должна была быть счастлива, особенно достигнувъ исполненія своего единственнаго желанія: благородное имя, блестящее положеніе въ обществѣ, высокопоставленные родные, оказывающіе ей полное вниманіе, чего еще могло не доставать ей? Новость положенія восхищала Эльвиру; даже холодность Эдвина не такъ казалась непріятна ея нѣжному, избалованному сердцу здѣсь, гдѣ всѣ прочіе окружали ее своимъ вниманіемъ. Возвратившись въ свою комнату, она рѣшила, что это первый счастливый день послѣ ея замужества.

— Вѣдь очень пріятно быть знатной дамой, подумала она.—Будь сэръ Сидней Лембурнъ моимъ мужемъ, я могла бы быть вполнѣ счастлива.

При пробужденіи Эльвиры сентябрьское солнце ярко освѣщало Гартонкуртъ и зеленыя его окрестности; быстро вскочила она по привычкѣ и, одѣвшись, отправилась на утреннюю прогулку въ паркъ, наслаждаясь свѣжимъ воздухомъ. Бродя безъ цѣли, она наткнулась на красивый павильонъ въ японскомъ вкусѣ, вошла въ открытую дверь, обошла кругомъ и, замѣтивъ лѣстницу, поднялась вверхъ въ восьмиугольную комнату съ прекраснымъ видомъ на всю окрестность. Эльвира очень любила виды; открывъ окно, она старалась удобнѣе расположиться, чтобы вполнѣ насладиться открывшимся передъ нею пейзажемъ. Мужскіе голоса заставили ее очнуться отъ грезъ; узнавъ, какъ ей показалось, голосъ Сиднея, она нагнулась, желая разглядѣть говорившихъ, но ничего не увидала изъ-за деревьевъ, а ясно услыхала слова:

— Незавидна судьба шестнадцатилѣтней женщины, осужденной провести всю жизнь безъ любви съ человѣкомъ, не замѣчающимъ даже, какимъ онъ обладаетъ сокровищемъ, и оказывающимъ ей одну холодность.

Разговаривавшіе удалились; Эльвира не могла разобрать дальнѣйшаго разговора; невольно подумала она о томъ, кто были разговаривающіе и про кого шелъ разговоръ; не про нея-ли говорилъ Сидней съ лордомъ Кастертонъ. Содрогаясь при этой мысли, Эльвира все-таки рѣшилась удостовѣриться; но, сбѣжавъ съ лѣстницы, она встрѣтила только человѣка, убиравшаго комнату.

Безпокойно возвращаясь съ прогулки, она встрѣтила мужа, вѣжливо подошедшаго къ ней со словами:

— Я только-что шелъ отыскивать тебя, милая Эльвира, маркиза очень безпокоилась, узнавъ, что ты такъ рано одна ушла гулять!

Эльвира пошла съ нимъ подъ руку, подумавъ:

— Нѣтъ, Лембурнъ говорилъ не съ нимъ, не поспѣлъ бы онъ вернуться изъ парка, повидаться съ маркизою и отправиться отыскивать меня. Не смотря на желанія, у нея не хватило храбрости спросить его объ интересовавшемъ ее предметѣ. Передъ завтракомъ она спросила подошедшаго къ ней Сиднея.

— Вы, должно быть, гуляли утромъ; мнѣ послышался вашъ голосъ у японскаго павильона?

— Я нигдѣ не гулялъ сегодня, милэди, отвѣтилъ Сидней.

— Вы не хотите сознаться, живо сказала Эльвира,—я даже слышала то, что вы говорили?

— Неужели! спросилъ Сидней, смотря на нее.

— Не хотите-ли, я даже повторю ваши слова? сказала Эльвира.

— Я съ удовольствіемъ услышу слова, такъ сильно поразившія васъ!

— Вотъ они: «жизнь безъ любви съ человѣкомъ, оказывающимъ одну вѣжливость, незавидная судьба для шестнадцатилѣтней женщины». Васъ не удивитъ теперь то, что я такъ запомнила эти слова и желаніе узнать, не вы-ли ихъ говорили.

Эльвира пристально смотрѣла на Сиднея, сдвинувшаго брови, какъ бы отъ болѣзненнаго ощущенія.

— Я не былъ сегодня у японскаго павильона; право, не могу понять, отчего поразили васъ эти слова.

Просіявшая Эльвира прибавила, протянувъ руку Сиднею:

— Я такъ безпокоилась, не къ моей-ли будущности относились эти слова!

— Сохрани меня Богъ, хотя бы невольно причинить вамъ безпокойство, сказалъ Сидней. — Никогда не простилъ бы я этого себѣ.

— Благодарю васъ, сэръ. Вы добрѣе всѣхъ тѣхъ, кого я знала, сказала Эльвира, улыбаясь ему.

Она была вполнѣ счастлива, какъ бы избѣжавъ опасности, грозившей ей съ самаго замужества.

Прошли четыре недѣли со дня свадьбы; первые дни пребыванія у маркизы Эльвира была предметомъ всеобщаго благоволенія, что однако продолжалось не долго. Лэди Д., мистрисъ К. и Х., узнавъ, что ихъ молодая родственница простого происхожденія, нашли, что въ ней нѣтъ должнаго такту, умѣнія держать себя; они стали засыпать ее замѣчаніями, очень вѣжливыми, но тѣмъ не менѣе оскорбительными. Никто не рѣшался останавливать ее въ присутствіи Эдвина, но послѣдній, проводя большую часть дня на охотѣ, не могъ помѣшать роднѣ перевоспитывать Эльвиру. Эти три особы не довольствовались наставленіями относительно такта и умѣнія держать себя, но готовы были разсказать всѣмъ о ея мѣщанскомъ происхожденіи. Непріятнѣе всѣхъ была лэди Д., имѣвшая двадцатилѣтнюю дочь, образецъ образованной англичанки, для которой она разсчитывала на Эдвина. Какъ только Эльвира держала себя нѣсколько посвободнѣе, почтенная родственница тотчасъ же замѣчала:

— Видно, что она не изъ порядочной фамиліи, стоитъ только сравнить ее съ моей дочерью, сейчасъ замѣтишь, что одна благородная, другая мѣщанка. Право, странно, какъ могъ лордъ Кастертонъ жениться на иностранкѣ, да еще не изъ нашего круга. Мнѣ даже неловко отъ этого родства.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

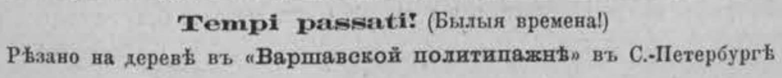
РИСУНОКЪ КОНОПАЦКАГО.

Внезапное открытіе.

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ» въ Варшавѣ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА К. ФРАНЦА.

Tempi passati! (Былыя времена!)

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ» въ С.-Петербургѣ

Если бы Эдвинъ по менѣе охотился, родня, собранная въ Гартонкуртѣ, не осмѣлилась бы такъ часто давать чувствовать Эльвирѣ, что она должна считать за счастье имѣть такое родство. Расположеніе маркизы къ Эльвирѣ было очевидно, но она держала себя постоянно такъ гордо, что не могла расположить молодую, неопытную особу обратиться къ ней за совѣтомъ. Трудно было рѣшить, замѣчала-ли даже маркиза стараніе родни перевоспитать Эльвиру, такъ сильно была она занята приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ Кастертона, которыми Эдвинъ долженъ былъ заняться по истеченіи мѣсяца. При полученіи извѣстія о намѣреніи Кастертона маркиза выкупила два родовыя имѣнія и предоставила въ распоряженіе Эдвина большую сумму денегъ; сверхъ того надо было выкупить разныя маленькія имѣнія, перекупить проданныя и сдѣлать распоряженіе на случай смерти. Счастье и радость, испытанныя Эльвирой въ началѣ пребыванія въ Гартонкуртѣ, совсѣмъ исчезли. Частыя отсутствія Эдвина, его холодная вѣжливость, непрерывныя замѣчанія родни о ея мѣщанскомъ происхожденіи и привычкахъ, все это глубоко оскорбляло ее, хотя никто этого не замѣчалъ. Изъ веселаго, живого ребенка, радовавшагося своему торжеству, обладанію хорошей фамиліей, Эльвира постепенно сдѣлалась молчаливою, застѣнчивою, не смѣла дать волю своимъ чувствамъ или дѣйствовать по минутному внушенію, боясь услышать:

— Такъ неприлично дѣйствовать, лэди Кастертонъ, моя дорогая.

Родственницамъ удалось наружно сдѣлать изъ Эльвиры гордую, унылую особу. Эдвинъ и маркиза должны были бы замѣтить перемѣну въ Эльвирѣ. Она не перемѣнилась съ однимъ Сиднеемъ, бывшимъ ея братомъ; онъ удерживалъ ее, когда она раздражалась или хотѣла жаловаться маркизѣ, училъ ее обращать на себя вниманіе, дѣлать видъ, что не замѣчаетъ оскорбленій. Зная свѣтъ, онъ понималъ, какъ опасно Эльвирѣ создавать себѣ враговъ; лучшимъ способомъ отучить ихъ отъ замѣчаній было скрывать свое на нихъ неудовольствіе; онъ объяснялъ ей необходимость присвоить себѣ англійскую гордую манеру держать себя. Сидней находилъ это непріятное ученіе необходимымъ для Эльвиры, помогалъ ей выказывать передъ свѣтомъ совсѣмъ другой характеръ, внушая ей то, чего имѣли право требовать отъ нея. Не смотря на дружбу, между ними никогда не было разговора про Эдвина.

Наступилъ конецъ сентября; Эдвину теперь некогда было ходить на охоту, такъ какъ онъ цѣлыми днями былъ занятъ съ маркизою и двумя нотаріусами. Отъѣздъ былъ назначенъ къ первому октября. Всѣ гости разъѣхались изъ Гартонкурта, оставался одинъ Сидней, которому, казалось, трудно было разстаться съ домомъ маркизы.

Однажды, войдя въ шесть часовъ вечера къ Эльвирѣ, сидѣвшей цѣлый день въ своей комнатѣ, маркиза сказала:

— Мы кончили дѣла, милое дитя, вотъ я и пришла на часокъ поболтать съ тобой. Замѣтивъ случайно слѣды слезъ на лицѣ Эльвиры, маркиза замѣтила:

— Мнѣ кажется, лэди Кастертонъ плачетъ? Что могло огорчить тебя?

Эльвира покраснѣла, но промолчала:

— Ты не хочешь подѣлиться со мной твоимъ горемъ, оно, пожалуй, справедливо, продолжала маркиза.—Не гожусь я въ повѣренные такому ребенку. Но все же я дамъ тебѣ совѣтъ. Никогда не плачь при мужѣ; мужчины, подобные Эдвину, не терпятъ слезъ. Вы уѣзжаете отсюда черезъ два дня, тогда только начнешь ты вполнѣ представлять собою жену лорда Кастертона. Онъ прежде всего потребуетъ отъ своей жены умѣнія управлять своими чувствами и приличной выдержки въ свѣтѣ.

— Мнѣ кажется, онъ многое будетъ требовать, ничего не давая, прервала ее Эльвира, чувствуя себя вполнѣ несчастною.

— Давая тебѣ свое имя, онъ вручилъ тебѣ свою честь. Пойми, что за это женщина многимъ можетъ пожертвовать.

— Значитъ, въ вашей странѣ мужья не любятъ своихъ женъ? спросила Эльвира со слезами на глазахъ.

— Жена должна быть благодарна, если мужъ любитъ ее, если же не любитъ, то она должна показывать видъ, что не замѣчаетъ недостатка любви. Гордая женщина, сознающая себѣ цѣну, никогда не пожалуется на обманутую надежду. Если Всевышній отнялъ отъ нея надежду быть любимой, то это должно оставаться между ею и Богомъ; грустью и слезами не вернешь мужа. Если ты замѣтишь, что мужъ не любитъ тебя, смотри на это, какъ на непоправимую бѣду, и старайся вѣрно сохранять его фамильную честь; будь внимательною, но не нѣжною, будь веселою собесѣдницею, достойною представительницею его имени въ обществѣ; но избавь его отъ чувствительности; мужу, не любящему жену, отвратительна всякая нѣжность съ ея стороны. За недостаткомъ любви умная женщина должна стараться сдѣлаться необходимою для его существованія, приноравливаясь къ его привычкамъ; при этихъ условіяхъ она будетъ пользоваться домашнимъ спокойствіемъ, въ чемъ найдетъ хоть маленькое утѣшеніе.

— Не говорите-ли вы все это съ цѣлью приготовить меня къ будущей моей жизни? спросила Эльвира, когда только маркиза смолкла.

— Твоя будущность одинаково мало извѣстна какъ тебѣ, такъ и мнѣ, говорила же я, желая навести тебя на мысль, что, не смотря на неисполненіе нашихъ надеждъ, мы должны мириться съ судьбою. Я знавала супруговъ влюбленныхъ до глупости въ первые мѣсяцы брака—и что же?—по прошествіи двухъ лѣтъ они такъ надоѣдали другъ другу, что только и мечтали о томъ, какъ бы разстаться; другіе на оборотъ—сначала держались очень холодно, черезъ нѣсколько времени такъ сходились, что своимъ счастьемъ внушали зависть. Прежде всего надо понять свое положеніе, а главное, держаться правила не надоѣдать другъ другу. Если мужъ уйдетъ изъ дому, старайся, при его возвращеніи, не показывать виду, что соскучилась въ его отсутствіе. Показывай всегда свѣту веселое лице, чтобы съ честью держать себя въ обществѣ; никому не позволяй вмѣшиваться въ свои семейныя отношенія. Третье лице лишнее между мужемъ и женою. Не смотри на сказанное, какъ на наставленія, ты знаешь, я не люблю ихъ, а какъ на философію брака, съ которой необходимо познакомиться всякой молодой женщинѣ, вступающей въ большой свѣтъ. Однако бьетъ семь часовъ, пойдемъ, пора обѣдать.

Эльвира пошла за маркизой; слова послѣдней возбудили въ ней сильное желаніе узнать, любитъ-ли ее Эдвинъ; со страхомъ думала она о времени разлуки съ Сиднеемъ и жизни съ мужемъ. Желаніе ускорить ходъ дѣла большею частью приноситъ съ собою несчастье. Во время обѣда Эдвинъ съ Сиднеемъ разговорились о студенческой жизни; тема эта, казалось, заняла Эдвина, онъ какъ бы ожилъ; вскорѣ разговоръ перешелъ на его первое путешествіе.

— Прекрасное было время, сказалъ онъ, я былъ тогда свободенъ, счастливъ, путешествуя безъ опредѣленной цѣли, слѣдуя минутному расположенію духа, останавливаясь, гдѣ находилъ что-нибудь достойнаго для научнаго наблюденія. Я согласился бы отдать полжизни, чтобы вновь пережить эти годы. Увы, они исчезли безвозвратно.

— Почему такъ? спросила Эльвира.

Эдвинъ холодно отвѣтилъ ей, повернувъ голову:

— Разъ женившись, человѣкъ долженъ отказаться отъ бродячей жизни, притомъ когда изъ бѣднаго дворянина обратишься въ богатаго, являются разныя обязанности, приковывающія человѣка къ отечеству. При этихъ двухъ условіяхъ теряешь свободу навсегда.

— Вы сожалѣете объ этой потерѣ, Эдвинъ? спросила Эльвира, покраснѣвъ.

— Я всегда сожалѣю о сдѣланныхъ мною потеряхъ, отвѣтилъ Эдвинъ.

Сидней, обратясь къ Эдвину, прервалъ Эльвиру, собиравшуюся отвѣтить съ блестящими глазами.

— Кстати о потеряхъ, тебѣ кажется неизвѣстно, что я потерялъ свою Изабеллу?

Маркиза стала жалѣть красивую лошадь, Сидней же такъ повелъ разговоръ, что Эльвирѣ не удалось вернуться къ прерванной темѣ. По окончаніи разговора маркиза обратилась къ Эльвирѣ.

— Я желала бы рекомендовать тебѣ молодую дѣвушку, служившую горничной у герцогини ***; твоя шведка черезчуръ стара для этой должности, ей не мѣшало бы отдохнуть. Вѣдь она, кажется, съ самаго малолѣтства была твоей няней?

— Да, мнѣ очень бы не хотѣлось разстаться съ нею, отвѣтила Эльвира.

— Весьма понятно, я только желала, чтобы ты взяла горничную помоложе, старушка же можетъ беззаботно жить въ твоемъ домѣ. Въ семействѣ Кастертоновъ всегда заботятся о старыхъ слугахъ.

По выходѣ дамъ изъ столовой мужчины остались по старой англійской привычкѣ сидѣть за столомъ. Усталая маркиза объявила, войдя въ кабинетъ, что она не совсѣмъ хорошо себя чувствуетъ; Эльвира уговорила ее отдохнуть, собираясь пройдти въ библіотеку выбрать себѣ интересную книгу. Но вмѣсто библіотеки, она направилась въ залу рядомъ со столовой, рѣшившись подслушать разговоръ Эдвина съ Сиднеемъ, и надѣясь, что они заговорятъ объ ней и выяснятъ ей, любитъ-ли ее Эдвинъ. Это занимало теперь всѣ ея мысли. Она подкралась въ темной залѣ къ дверямъ освѣщенной столовой.

— Ты фальшиво понимаешь дѣйствія маркизы, услышала она голосъ Сиднея,—если ты не сходишься съ нею, то все же не можешь приписывать ей неблагородныя стремленія, будто она дѣйствовала только изъ ненависти къ графинѣ Мурвиль, родственницѣ твоей матери; это ужь черезъ чуръ мелочно. Вспомни, она всю жизнь оставалась вѣрна твоему отцу; женщина, способная на такую любовь, не поддастся глупой и смѣшной досадѣ. Взглядъ ея на твою кочующую жизнь вполнѣ доказываетъ, что она стремилась къ твоему счастью.

— Я былъ бы неблагодарнымъ созданіемъ, утверждая противное, сказалъ Эдвинъ.—Но тѣмъ не менѣе она ошиблась; ея стараніями я навсегда простился со счастьемъ.

— Какъ можешь ты говорить подобныя вещи, Кастертонъ! воскликнулъ Сидней.—Грѣшно тебѣ, имѣя такую жену. Несчастіе немыслимо съ лэди Кастертонъ; повѣрь, рано или поздно ты страстно полюбишь ее.

— Я? съ насмѣшкой спросилъ Эдвинъ. — По крайней мѣрѣ, не теперь; единственное мое желаніе въ настоящую минуту — это расторгнуть бракъ, связывающій насъ. Увидя ее въ первый разъ, я нашелъ ее хорошенькою, но особенной любезности не замѣчалъ; на способности даже не обратилъ вниманія... Она для меня цѣпь, соединяющая Кастертона съ богатствомъ, безъ котораго лордство—глупое и тяжелое бремя. Не смотря на всю мою нелюбовь къ ней, ты можешь быть увѣренъ, что, разъ рѣшившись изъ гордости влачить жизнь съ этой женщиной, я далъ себѣ

слово обходиться съ ней съ рыцарскою вѣжливостью, которую она въ правѣ требовать отъ меня. Покажись мнѣ это принужденіе черезчуръ тягостнымъ, ну, тогда...

— Ахъ, Кастертонъ, какъ я жалѣю, что ничего не могъ сказать противъ твоей женитьбы. Мнѣ больно подумать, что я былъ невольно причиною вашего соединенія и тѣмъ виновенъ въ несчастной судьбѣ, выпавшей па долю твоей жены. Какое мученье жить съ мужемъ, котораго любишь и который не отвѣчаетъ тебѣ тѣмъ же.

— Не горюй напрасно, она нисколько не любитъ меня!

— Богатая, молодая, хорошенькая дѣвушка могла выйдти только по любви.

— Вполнѣ ошибаешься; моя супруга вышла за меня, желая получить имя; я могъ быть некрасивъ, старъ, отвратителенъ, но лордъ — вотъ главное; мы оба вступили въ бракъ по расчету. Эльвира Бромеръ—дочь несовсѣмъ благороднаго купца выбрала себѣ въ мужья Эдвина Кастертона единственно для того, чтобы сдѣлаться лэди; я женился на этой честолюбивой дѣвушкѣ, чтобы исполнить приказаніе маркизы. Позволь спросить, можетъ-ли созданье, рѣшившееся изъ тщеславія связать тебя на всю жизнь, чувствовать недостатокъ любви? Тебѣ также трудно было бы почувствовать пользу чьего-нибудь убійства. Наше сожительство могло бы быть сносно, если бы я имѣлъ натуру, расположенную находить счастье у домашняго очага, но для меня оно немыслимо, потому что я смотрю на бракъ, какъ на обузу, которую долженъ терпѣть всю жизнь.

— Въ такомъ случаѣ ты, вѣроятно, расторгнешь этотъ бракъ.

— Точно ты не знаешь моего характера, другъ мой. Подай я малѣйшій поводъ къ разводу, мой бракъ всякому казался бы обманомъ, посредствомъ котораго я хотѣлъ получить богатство маркизы. Она знала, что я честенъ и гордъ настолько, что передъ свѣтомъ и передъ нею буду играть роль счастливаго супруга; никому нѣтъ дѣла до моихъ непріятностей. Надѣюсь, что, не смотря на неумѣніе держать себя въ обществѣ, моя жена съ честью поддержитъ мое имя, вотъ мое единственное требованіе.

— Ей можетъ показаться очень труднымъ твое единственное требованіе, прервалъ его Сидней.—Въ нашемъ обществѣ найдутся мужчины, которые, замѣтивъ твою холодность къ ней, постараются утѣшить ее.

— Ты забываешь, что едва-ли особа, вышедшая замужъ изъ честолюбія, можетъ имѣть сердце. Блестѣть и затемнять,—вотъ ея требованія; достигнувъ своего желанія, она почувствуетъ себя счастливою, не заботясь ни о чемъ, а менѣе всего о требованіи сердца. Года черезъ два ей, можетъ быть, удастся, отвыкнувъ отъ простыхъ замашекъ, привыкнуть держать себя, какъ слѣдуетъ въ ея положеніи; ею будутъ восхищаться, тогда она вполнѣ насладится всѣми преимуществами, для которыхъ пожертвовала собою.

— Ты также невѣрно судишь о ней, какъ за нѣсколько времени о маркизѣ. Леди Кастертонъ имѣетъ болѣе мягкое сердце, чѣмъ многія другія женщины.

— Ты, кажется, воображаешь, что она вышла за меня по любви, которая въ такомъ случаѣ возгорѣлась очень внезапно. Она согласилась принадлежать мнѣ послѣ третьяго свиданія.

— Она, вѣроятно, раньше видѣла тебя и влюбилась въ тебя, незачѣмъ было ей отказывать мнѣ, если она хотѣла получить имя, сказалъ Сидней твердымъ голосомъ.

— Ты дѣлалъ предложеніе Эльвирѣ? вскрикнулъ Эдвинъ.

— Да, но она отказала мнѣ.

Нѣсколько времени продолжалось молчаніе.

— Зачѣмъ дѣлалъ ты ей предложеніе? спросилъ, наконецъ, Эдвинъ.

— Я любилъ ее. Изъ этого ты можешь заключить, что что-нибудь сильнѣе тщеславія и честолюбія заставило ее соединиться съ тобой. Я увѣренъ, она любитъ тебя, молча, страдая отъ сознанія, что ты не отвѣчаешь ей взаимностью.

— Ошибаешься, она только разыгрываетъ роль, сказалъ Эдвинъ,—впрочемъ, не смотря на всю ея любовь, я никогда не полюблю ее.

— Будь остороженъ въ словахъ, Эдвинъ. Рано или поздно молодая, прелестная жена овладѣетъ твоимъ сердцемъ.

— Со мной этого никогда не случится; однако, кончимъ этотъ разговоръ. Отъ души сожалѣю, что противъ воли женился на любимой тобой женщинѣ и тѣмъ лишилъ тебя счастья.

Вошедшій человѣкъ обратился къ милорду съ просьбою пожаловать къ маркизѣ.

Идя къ ней, Эдвинъ прошелъ мимо Эльвиры; тихо, какъ тѣнь, проскользнула она въ свою комнату.

IX.

На слѣдующее утро, въ то время, когда камердинеръ Эдвина убиралъ ему волосы, лорду подали письмо отъ супруги. Имѣя привычку за полчаса до завтрака заходить къ ней, Эдвинъ съ удивленіемъ распечаталъ письмо.

«Милордъ, прошу васъ, писала Эльвира, оказать мнѣ любезность, прійдти ко мнѣ немедленно по полученіи письма. Мнѣ необходимо переговорить съ вами до свиданія съ маркизой.

Эльвира».

Полюбовавшись на почеркъ, Эдвинъ положилъ письмо въ карманъ и подумалъ:

«Объ чемъ ей говорить со мной? Какой-нибудь пустякъ, имѣющій важность въ ея глазахъ.»

Войдя черезъ нѣсколько минутъ къ женѣ, онъ нашелъ ее занятою уборкою драгоцѣнностей.

При входѣ Эдвина она поклонилась ему, прерывая занятіе.

— Извините меня за безпокойство, милордъ, сказала она,—но намъ необходимо объясниться передъ отъѣздомъ отсюда.

— Я съ удовольствіемъ послѣдовалъ вашему приглашенію, отвѣчалъ Эдвинъ.—Приглашеніе молодой прелестной женщины пріятно во всякое время.

— Умоляю васъ не употребляйте понапрасно вѣжливыхъ, чувствительныхъ фразъ, прервала его Эльвира.—То, что я принуждена сказать вамъ, черезчуръ противорѣчитъ вашимъ словамъ. Я желаю высказать вамъ правду.

— Смѣлое предпріятіе, проговорилъ Эдвинъ.

— Рѣшилась же я на вещь гораздо опаснѣе, сказала Эльвира съ особенной улыбкой.—Это, однако, не относится къ дѣлу. Я желаю говорить съ вами о нашемъ отъѣздѣ. Вы собираетесь въ Кастертонъ, если не ошибаюсь?

— Да, мы проведемъ тамъ нѣкоторое время.

— Мы, милордъ? Значитъ, вы намѣревались смотрѣть на наше соединеніе, какъ на дѣйствительный бракъ?

— Мнѣ кажется, всѣ смотрятъ на бракъ, какъ на дѣйствительность, замѣтилъ Эдвинъ, смотря на Эльвиру съ возрастающимъ удивленіемъ.

— Вы ошибаетесь, нашъ бракъ не то, что онъ кажется: вѣдь мы не супруги, а люди, соединившіеся изъ свѣтскихъ расчетовъ. Вы—изъ желанія угодить теткѣ, я—чтобы получить имя; между нами нѣтъ ничего общаго, наши дороги различны, жить вмѣстѣ было бы страшнымъ принужденіемъ для обоихъ; поэтому я желаю вамъ предложить: не лучше ли мнѣ вернуться къ отцу, который по письму, полученному мною сегодня, очень боленъ. Вы отправитесь въ Кастертонъ или куда угодно. Въ будущемъ году, исполняя желаніе вашей тетушки, мы можемъ встрѣтиться въ Лондонѣ, гдѣ проживемъ мѣсяцъ, разыгрывая роль супруговъ.

— Это желаніе вашего сердца? спросилъ Эдвинъ.

— Иначе не сдѣлала бы я вамъ этого предложенія, отвѣтила Эльвира.

— Какая тому причина?

— Этотъ вопросъ слишкомъ щекотливъ, лучше не касаться его. Я получила имя, вы жену, или скорѣй способъ къ достиженію богатства; мы скорѣй потеряемъ, чѣмъ выиграемъ отъ общей жизни; я постараюсь съ честью носить ваше имя, вы же всегда можете со мною встрѣтиться, когда лэди Кастертонъ понадобиться предстать передъ маркизою; смотря другъ на друга, какъ на бремя, было бы невыносимо жить вдвоемъ. Такимъ образомъ, вы можете опять свободно путешествовать, наслаждаясь бродячею жизнью, я же вернусь въ милое отечество или куда вздумаю.

Эдвинъ долго молчалъ; казалось, что, судя по сдвинутымъ бровямъ и сжатымъ губамъ, слова Эльвиры оскорбили его гордость, онъ молчалъ, чтобы въ минуту гнѣва не высказать мысли, о которой пришлось бы потомъ пожалѣть. Эльвира, замѣтивъ дѣйствіе своихъ словъ, внутренне радовалась.

— Я ожидаю отвѣта, милордъ? сказала наконецъ она.

— Я могу только сказать, холодно отвѣтилъ Эдвинъ,—что вполнѣ согласенъ съ вами.

Эльвира крѣпко сжала футляръ. Одному Богу извѣстно, сдѣлала ли бы она это предложеніе, еслибы думала, что онъ согласится съ нею.

— Въ такомъ случаѣ позвольте возвратить вамъ ваши драгоцѣнныя вещи, продолжала Эльвира.—Вы меня украшали ими, когда я представляла вашу жену, теперь онѣ не могутъ быть моею собственностью,—она показала прнэтомъ на красные футляры съ брилліантами и продолжала.—Я не имѣю болѣе права получать отъ васъ подарки, потому позвольте мнѣ уничтожить также документъ, составляющій вашъ свадебный подарокъ лэди Кастертонъ.

Она разорвала бумагу на мелкіе кусочки.

— Цѣня вполнѣ вашу вѣжливость, я все же ничего не могу получать отъ васъ. За завтракомъ я скажу маркизѣ, что болѣзнь отца призываетъ меня въ Швецію, такимъ образомъ, ее не поразятъ наши отношенія. Будьте увѣрены, я всѣми силами постараюсь не заслуживать нареканій вашего свѣта и прошу васъ разсчитывать на меня, какъ только вамъ нужна будетъ лэди Кастертонъ для отстраненія клеветы. Я кончила, не смѣю больше задерживать васъ.

— Счастливы вы, что можете такъ дѣйствовать, сказалъ Эдвинъ, взявъ Эльвиру за руку.—Много рѣшимости и хладнокровія требуется на такой шагъ. Обладательница такихъ качествъ не нуждается въ поддержкѣ, а только въ предостереженіи, чтобы остаться такою же холодною относительно другихъ мужчинъ. Женщина, рѣшившаяся пожертвовать собою для полученія имени, легко можетъ пожертвовать именемъ женской слабости.

Эльвира была очень блѣдна. Дверь внезапно отворилась въ ту минуту, когда Эдвинъ, опустивъ ея руку, направился къ выходу; Лотти вбѣжала, не обращая вниманія на присутствіе лорда, держа въ рукѣ письмо съ чернымъ ободкомъ.

— Сейчасъ получено это траурное письмо изъ Швеціи, вскрикнула она.—Ради самаго неба, распечатай скорѣй и прочти.

Дрожащими руками схватила Эльвира письмо, она вскрикнула и покачнулась, прочитавъ первую строчку. Эдвинъ подбѣжалъ, чтобы подхватить ее.

— Мой отецъ умеръ! прошептала Эльвира.

— Она можетъ любить, подумалъ Эдвинъ, на-

гибаясь къ ней; она же, отстранивъ его руки, выбѣжала въ другую комнату.

(*Продолженіе будетъ.*)

Изъ Байрона.

Стих. **Кн. Дм. Голицына.**

Разбиты всѣ чары, исчезли мечтанья!
И такъ все сбывается въ жизни тревожной:
Безумно смѣемся въ минуту страданья
И бредъ нашъ совѣтникъ, совѣтникъ намъ ложный.
И всякое свѣтлое мысли мгновенье
Приноситъ намъ горя печальные звуки...
Когда-жъ исполняемъ разсудка велѣнье,—
Живемъ, какъ другіе скончались, средь муки.

Синяя лошадка.

Разсказъ **Е. Пувильона.**

Ахъ, Боже мой, какая трудная задача! Ужь какъ мы ни придумывали чуть ли не цѣлыхъ три дня, а въ концѣ концовъ ничего не придумали. А между тѣмъ нужно же что-нибудь... Да что я говорю?.. не что-нибудь, а непремѣнно хорошенькую игрушку нужно подарить нашему Шарлю на ёлку... Онъ ужь столько получалъ подарковъ, столько испортилъ игрушекъ въ своей жизни! Да, не легкая задача!

— Посмотримъ еще въ лавкахъ на большой улицѣ, можетъ быть, найдемъ что-нибудь... сказала жена, сидя у кроватки Шарля.

— Да, нечего дѣлать, нужно сейчасъ же отправиться на поиски...

Нашъ мальчуганъ между тѣмъ подъ звуки нашихъ голосовъ спалъ крѣпкимъ сномъ, разбросавшись рученками.

Не долго думая, мы съ женою подъ руку сейчасъ же отправились въ большую улицу.

Это было наканунѣ новаго года. Окна магазиновъ бросали яркій свѣтъ на тротуаръ, по которому толпа народа ходила взадъ и впередъ, громко разсуждая о достоинствахъ одной и недостаткахъ другой игрушки. Казалось, игрушки были единственнымъ предметомъ, о которомъ могли и умѣли говорить эти люди. Нужно было дожидаться очереди, чтобы попасть въ изящный магазинъ Северена.

Накопецъ-то, подумалъ я, когда мы были въ дверяхъ магазина. Но, увы, здѣсь то именно задача становилась просто неисполнимою!

Скажите на милость, что тутъ выбрать?

Настоящій міръ игрушекъ этотъ магазинъ Северена! Всѣ стѣны съ верху до низу завѣшаны всевозможными игрушками; на потолкѣ, на лампахъ, даже на дверяхъ висятъ разнообразные паяцы; прилавки, столы, стулья завалены—буквально завалены—самыми причудливыми куклами, деревянными звѣрями, коробками и коробочками. Тутъ вы найдете и звѣринецъ, и волшебный фонарь, и цѣлыя роты свинцовыхъ солдатъ, все, все рѣшительно, но прошу покорно выбрать что-нибудь изъ этой разноцвѣтной массы дѣтскихъ прелестей?..

ИЗЪ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ.

ЯРМАРКА.

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ».

Посмотрите только: сколько тутъ зеленаго, краснаго, желтаго, синяго... А сколько золота! Оно блеститъ по всѣмъ угламъ. Крошечныя платьица миньятюрныхъ куколъ обшиты золотомъ, украшенія нарядовъ танцовщицъ, цвѣтныя рубашки паяцовъ, мундиры солдатъ—все рѣшительно разукрашено золотомъ. Все блеститъ, точно зеркало: мундиры свинцовыхъ воиновъ, ихъ сабли, жестяныя тарелки, самоварчики, ножи... Ай, ай, рябитъ въ глазахъ!

Волчки шипятъ, издавая странные звуки, гремушки гремятъ, маленькія скрипки пищатъ, подъ рукой какой-то мамаши пилигримъ звонитъ, что есть мочи, кролики барабанятъ; автоматическіе музыканты, рожки и литавры, козы, овцы и собачки—все это визжитъ, звучитъ, гудитъ, пищитъ... просто—хоть вонъ бѣги! Ну, извольте выбирать!

Да-съ, не легкая задача!..

Мы стояли и раздумывали и Богъ вѣсть, какъ долго простояли бы мы среди этого міра игрушекъ, еслибы самъ хозяинъ не подошелъ къ намъ. М-г Северенъ личность крайне симпатичная. Онъ подошелъ къ намъ и, улыбаясь, обратился къ моей женѣ:

— Прошу покорно пожаловать вотъ здѣсь... Новая игрушка! Мы на дняхъ получили ее изъ Парижа.

Накопецъ-то! подумалъ я. Къ сожалѣнію, новинка оказалась не по нашему карману. Хозяинъ предложилъ что-то другое—нельзя было купить: не по лѣтамъ Шарля; еще что-то новое—хорошо бы, да сейчасъ испортитъ; еще одна—опять не годится: въ прошломъ году тетушка точь въ точь такую же подарила ему... Ничего, рѣшительно ничего нельзя было выбрать! Уфъ!..

Но м-г Северенъ не уставалъ ни на минуту: онъ взлѣзалъ на лѣстницы, выдвигалъ ящики, снималъ со стѣнъ все, что, по его мнѣнію, могло привести въ восторгъ нашего Шарля, улыбался, предлагалъ и предлагалъ безъ конца.. Мнѣ показалось, что мы злоупотребляемъ терпѣніемъ любезнаго старика. Я уже рѣшился взять первую попавшуюся игрушку, но Луиза ни за что не хотѣла согласиться на всѣ мои предложенія, отыскивая глазами что-нибудь получше, поинтереснѣе... Что-жъ дѣлать? Я всегда покорялся ея волѣ. Сколько времени мы просидѣли въ магазинѣ—не знаю; но мнѣ кажется, что мы страшно надоѣли м-г Северену.

Луиза, какъ бы обиженная тѣмъ, что нѣтъ игрушки для ея Шарля, собиралась уйдти. Я вздохнулъ свободнѣе. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ надоѣдать доброму человѣку?..

— А можетъ быть, это... раздался за нами голосъ хозяина.

Жена остановилась. Я обернулся и—вообразите себѣ только—увидѣлъ передъ м-г Севереномъ большого барашка, блеявшаго точно живой!.. У меня есть отвращеніе ко всякому роду ягнятъ и барашковъ, можетъ быть, потому, что въ дѣтствѣ чуть ли не цѣлыми дюжинами барашковъ

дарила меня тетушка. Но не то моя жена. Она нашла барашка прекраснымъ. Я готовъ пари держать, что м-г Северенъ въ эту минуту подумалъ: «ну, слава Богу!» Но... еще одно но... Да, все хорошо, и цвѣтъ, и голосъ, и шерсть... но бѣда въ томъ, что цѣна... охъ! какая цѣна!.. Да я бы за эти деньги живого барана купилъ!

— Дешевле нельзя, сказалъ рѣшительно хозяинъ, все также улыбаясь.

— Какъ хотите, отвѣтила моя жена.

Мы были уже у дверей... М-г Северенъ сбавилъ еще пятьдесятъ сантимовъ... Наконецъ,— но теперь ужь дѣйствительно наконецъ,—я держалъ завернутаго въ бумагу барашка, взятаго съ бою у м-г Северена. Нѣсколько времени спустя, жена ставила его на моемъ письменномъ столѣ.

И такъ барашекъ, а не что-нибудь другое, долженъ былъ завтра привести въ восторгъ нашего Шарля...

Рано утромъ въ день Новаго года, чуть ли не въ пять часовъ, поцѣлуи Шарля разбудили меня. А знаете, какіе славные поцѣлуи?.. «Хочешь, вотъ тебѣ, на, возьми, хочешь еще, еще одинъ, еще, еще»... А среди нихъ и дѣтскаго хохота слышались поздравленія съ новымъ годомъ!.. Въ одной рубашонкѣ, съ головкою, усѣянной папильотками, мой мальчуганъ, настоящій херувимчикъ, цѣловалъ меня, оглядывался по сторонамъ, искалъ чего-то глазами и опять начиналъ цѣловать мои щеки... Да, господа, это была славная минута въ моей жизни! Открыли ставни. Шарль только теперь замѣтилъ большой пакетъ на моемъ столѣ. Одинъ прыжокъ—Шарль у стола; другой— вотъ онъ у меня на кровати съ пакетомъ въ рукахъ. Надо было видѣть, съ какимъ нетерпѣніемъ онъ развязывалъ веревку! Рученки его дрожали; то привставалъ, то садился снова—но развязать не могъ. Развяжетъ одинъ узелъ и снова спутаетъ веревку: образуется новый...

— Папа... не могу... на... развяжи, со слезами на глазахъ обратился онъ ко мнѣ.

Нечего дѣлать, нужно было помочь, хотя, признаюсь, я бы готовъ цѣлый вѣкъ любоваться моимъ Шарлемъ, развязывающимъ веревки! Когда, наконецъ, передъ его глазами барашекъ предсталъ во всей своей красѣ, я думалъ, что Шарль меня задушитъ. Онъ бросился цѣловать меня, прыгалъ, вертѣлся около меня; розовенькія его губки то прикасались къ мордочкѣ барашка, то къ моимъ щекамъ, перенося съ нея на мое лицо немножко краски. Вдругъ барашекъ сталъ блеять... Шарль былъ внѣ себя отъ радости... Не знаю, сколько времени, но долго, долго въ моей комнатѣ раздавались звуки безконечныхъ поцѣлуевъ, веселый смѣхъ Шарля и блеяніе барашка... А знаете, что я вамъ скажу? Лучшей музыки я никогда въ жизни не слышалъ!.. Шарль прижималъ пуговку, барашекъ безпрестанно кричалъ: бэ... э., бэ... э..; а я... Да что-жъ я? Я былъ глубоко убѣжденъ, что нѣтъ человѣка счастливѣе меня.

Подъ звуки поцѣлуевъ, хохота и блеянія барашка пришлось одѣвать Шарля. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ Луизѣ удалось, наконецъ, вымыть, одѣть и привести въ порядокъ волосы Шарля. Наше сокровище въ первый разъ одѣло сегодня красивую бархатную рубашку—подарокъ тетушки Адель. Нѣсколько времени спустя, мы уже были на улицѣ. Шарль былъ героемъ этой прогулки. Онъ указывалъ магазины, въ которые нужно входить, онъ выбиралъ игрушки... Мелкій дождикъ шелъ въ этотъ день и не мало стоило труда нести за Шарлемъ всѣ игрушки...

Шарль съ рожкомъ въ рукахъ шелъ во главѣ, за нимъ слѣдовала Мари, вся обвѣшанная игрушками, за нею я съ барабаномъ—подарокъ тети Сюзетъ, наконецъ, жена. Въ такомъ же порядкѣ мы всходили по лѣстницѣ.

— Интересно, сказала Луиза,—что принесетъ дядя Жакъ? Дядя Жакъ, нашъ дальній родственникъ, старый холостякъ, жилъ въ одномъ изъ отдаленныхъ кварталовъ города. Ревматизмъ и возня съ нимъ съ одной стороны, а съ другой время отъ времени пріятная и веселая бесѣда съ бутылками рейнскаго вина—вотъ занятія, которымъ всецѣло отдавался дядя Жакъ. Къ намъ онъ являлся въ праздники. Дома жилъ уединенно; единственнымъ его другомъ была желтоватаго цвѣта бутылочка. Я до сихъ поръ еще помню длинную фигуру нашего родственника, одѣтаго въ черный сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы. Изъ большихъ кармановъ этого сюртука всегда выглядывалъ какой-нибудь подарокъ для Шарля. Безъ подарка дядя Жакъ никогда къ намъ не приходилъ.

Добрѣйшій старикъ! Вотъ стоитъ онъ на площадкѣ лѣстницы у дверей нашей квартиры: дядя Жакъ догадался, что мы вышли за покупкою игрушекъ и потому рѣшился подождать насъ. И сегодня дядя Жакъ одѣлъ свой длинный сюртукъ; также какъ всегда причесалъ волосы, таже улыбка, словомъ дядя Жакъ, какъ видно, никогда ни на волосъ не измѣнится.

Когда мы дошли до площадки, на которой стоялъ дядя Жакъ, онъ произнесъ какую-то довольно замысловатую фразу, въ которой упоминалось и о Всевышнемъ, и о природѣ, и о чувствѣ, и о сердцѣ... Такія же точно фразы были въ большомъ ходу во времена французской революціи... Неизвѣстно, скоро ли бы дядя добрался до ея конца, потому что Шарль подбѣжалъ къ нему со словами:

— Елка!.. дядя..?!. и выразительно потянулъ его за сюртукъ. Дядя Жакъ вынулъ «ёлку» изъ кармана. Но что это?

Въ рукахъ у него я увидѣлъ чудовищную лошадку синяго цвѣта. Да какой еще синій цвѣтъ!!. Боже мой, въ какой же лавкѣ, въ какомъ хламѣ отыскалъ дядя эту безобразную игрушку? Я боялся за Шарля. Онъ вѣдь ужь столько имѣлъ всевозможныхъ лошадокъ и вдругъ эта—самая гадкая изъ всѣхъ! Но, къ великому моему удивленію, Шарль съ видимымъ удовольствіемъ принялъ изъ рукъ дяди этотъ подарокъ. Синій цвѣтъ лошадки вскружилъ ему голову! Барашекъ, барабанъ, рожекъ, все, все забыто... Шарль почти насильно вырвалъ лошадку изъ рукъ дяди и, обнимая ее, бросился бѣжать... Нашъ мальчуганъ только у дверей остановился: вспомнилъ малютка, что слѣдуетъ поблагодарить дядю... Воротился и подошелъ къ старику, который наклонилъ къ нему голову. Шарль на обѣ его щеки возложилъ такихъ искреннихъ два поцѣлуя, что, навѣрно, дядю Жака никогда до и послѣ этого никто такъ не цѣловалъ. Холостякъ—старикъ былъ въ восторгѣ... Онъ бормоталъ какія-то несвязныя слова, издавалъ какіе-то звуки, поднималъ руки вверхъ и постоянно подносилъ клѣтчатый платокъ къ глазамъ... Два поцѣлуя Шарля до глубины души тронули старика.

Шарль просто влюбился въ свою синюю лошадку, въ своего синяго Коко, какъ онъ онъ ее называлъ. Коко сталъ его другомъ съ перваго дня ихъ знакомства. Онъ спалъ съ нимъ, съ нимъ игралъ, съ нимъ вмѣстѣ завтракалъ и обѣдалъ— словомъ, два нераздѣльныхъ друга! Любимымъ ихъ удовольствіемъ были безконечныя прогулки—Шарль впереди, за нимъ Коко на веревкѣ. Шарль все оглядывался на своего друга, ободряя его словами:

— Аги, Коко, аги!..

Я слышалъ ихъ, сидя въ своей мастерской въ нижнемъ этажѣ. Комнатка Шарля находилась прямо надъ моей комнатою. Боже мой, сколько разъ, прислушиваясь къ этимъ дорогимъ звукамъ, я бросалъ работу! Сколько разъ стукъ маленькихъ ноженокъ отрывалъ мое вниманіе отъ лежащихъ на столѣ бумагъ! Но за то, принявшись за дѣло, какъ я усердно работалъ!..

— За дѣло, за дѣло, скорѣе... говорилъ мнѣ какой-то внутренній голосъ,—это для твоего Шарля!..

Нагулявшись до сыта, Шарль начиналъ мыть и чистить своего друга. Синій цвѣтъ Коко съ каждымъ днемъ становился блѣднѣе. Затѣмъ Шарль приготовлялъ кроватку, укладывалъ въ нее своего друга и—спокойной ночи! Если Коко спать не хотѣлось, Шарль сажалъ его къ себѣ на колѣни и друзья начинали веселую болтовню! Объ чемъ только не говорили они тогда! Отрывки какихъ-то пѣсенъ, какія-то несвязныя слова и звуки—все слышалось въ этой болтовнѣ! Иногда дѣло доходило до ссоры, Коко ощущалъ на поверхности своего тѣла прикосновеніе маленькой рученки Шарля, но сейчасъ послѣ этой операціи Коко просилъ прощенія. Окрашенныя въ синій цвѣтъ губки Шарля и мокрая бумажная мордочка лошадки были лучшими свидѣтелями ихъ взаимной любви.

Коко, какъ лучшему другу, можно было открывать всѣ тайны, онъ ни за что никому ни слова не скажетъ! Если ужь нужно было спать ложиться или выучить нѣсколько буквъ изъ книжки,— всегда былъ готовый отвѣтъ: "Коко не хочетъ!", но за то отъ яблочковъ или конфетъ Коко никогда не отказывался. Они всѣмъ дѣлились: вареньемъ и ромашкою—особенно ромашкою!

А что бы мы дѣлали безъ синяго Коко, когда Шарль заболѣлъ?! Шарль ни за что не хотѣлъ принимать лекарства. Добрый Коко показалъ ему примѣръ: онъ первый долженъ былъ принимать. Коко, молча, принималъ рѣшительно все, что ему подавали.

— Видишь, Шарль, какой Коко послушный! Смотри, вѣдь онъ принялъ лекарство, а ты не хочешь!

Шарль, слѣдуя примѣру друга, пилъ все, что предписывалъ докторъ...

Ахъ, сколько ужь времени прошло? А мнѣ все кажется, что я еще вижу моего Шарля съ его синимъ другомъ...

. . . .

Много, много лѣтъ прошло съ того времени...

Шарль выросъ и сталъ настоящимъ мужчиною, да, нужно замѣтить, очень хорошимъ собою мужчиною, притомъ господиномъ Карломъ Дюмономъ, поручикомъ 9-го стрѣлковаго коннаго полка. А что же я то хотѣлъ сдѣлать изъ него адвоката!.. Нужно сказать, что 9-ый полкъ стрѣлковъ—лучшій армейскій полкъ, а мой Шарль одинъ изъ самыхъ красивыхъ офицеровъ своего полка. А товарищи еще прибавляютъ: «отличный малый!»..

На дняхъ онъ прислалъ намъ подарокъ на ёлку: свою фотографическую карточку въ полной парадной формѣ, верхомъ.

Вотъ она лежитъ на моемъ столѣ; когда я смотрю на нее—не знаю, свѣтъ такъ странно падаетъ или слезы, нависшія у моихъ глазъ, тому причиною—но мало по малу очертанія и тѣни портрета исчезаютъ и, вмѣсто моего дорогого офицера, я вижу моего Шарля, моего мальчугана верхомъ на своемъ синемъ Коко...

Гликерія Николаевна Федотова.

равните біографіи большинства выдающихся русскихъ актрисъ и, почти во всѣхъ этихъ біографіяхъ, вы найдете нѣсколько, роковымъ образомъ повторяющихся, характеристическихъ чертъ. Большинство звѣздъ русской сцены, какъ уже сошедшихъ и со сценическихъ подмостковъ, и съ жизненной

арены, такъ и до сихъ поръ свѣтящихся на театральномъ горизонтѣ, непремѣнно «безъ роду, безъ племени», большинство изъ нихъ родится и проводитъ первые годы своей жизни въ такой круглой нищетѣ, что лишь одинъ счастливый случай даетъ имъ возможность чему-нибудь хоть какъ-нибудь научиться, тотъ же слѣпой случай, большею частью, и выводитъ будущую театральную звѣзду на сценическое поприще. Такъ было почти со всѣми лучшими русскими артистками, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ женщины стали допускаться на подмостки русской сцены, такъ продолжаетъ это быть и до сихъ поръ. Такъ было со знаменитыми въ свое время актрисами Воробьевою, Семеновою, Сандуновою и тоже самое повторяется въ наше время съ такими артистками, какъ Полина Антиповна Стрепетова и Гликерія Николаевна Федотова.

Какъ Полина Антиповна, такъ и Гликерія Николаевна—обѣ не знаютъ своихъ родителей, обѣ выросли на чужихъ рукахъ, благодаря сострадательности чужихъ людей. Гликерія Николаевна Федотова родилась въ Орлѣ, въ 1846 году, пяти лѣтъ отъ роду, когда она была уже круглою сиротою, ее призрѣла и взяла на воспитаніе г-жа Позднякова, которая и увезла ребенка съ собою въ Москву. Въ Москвѣ Гликерія Николаевна была помѣщена своею воспитательницею сначала въ частный пансіонъ, а потомъ, десяти лѣтъ отъ роду, въ московское театральное училище, въ которое она и была записана подъ фамиліею своей воспитательности—Поздняковою. Московское театральное училище въ то время, когда въ него поступила Гликерія Николаевна, находилось въ самомъ печальномъ положеніи, но, на счастье съ молодыхъ лѣтъ проявлявшей признаки таланта ученицы, вскорѣ, по поступленіи ея въ училище, произошла существенная перемѣна въ личномъ составѣ учительскаго персонала, — такая перемѣна, которая, безъ сомнѣнія, останется навсегда свѣтлымъ воспоминаніемъ для Гликеріи Николаевны. В. А. Дмитревскаго замѣнилъ въ должности преподавателя драматическаго искуства И. В. Самаринъ. Съ тѣмъ чутьемъ въ распознаваніи истинныхъ дарованій, какимъ обладалъ и понынѣ обладаетъ И. В. Самаринъ, урокамъ и руководительству котораго обязаны своимъ успѣхомъ столько лучшихъ украшеній нашихъ сценъ, само-собою разумѣется, онъ не могъ съ перваго же знакомства не понять, что въ юной Поздняковой кроются задатки такого таланта, надъ развитіемъ котораго стоитъ поработать. И дѣйствительно, И. В. Самаринъ съ особою любовью занялся своею талантливою ученицею; мало того, онъ настоялъ передъ начальствомъ, чтобъ воспитанницѣ Поздняковой, какъ выказывающей громадныя дарованія, предоставлена была возможность и по другимъ предметамъ преподаванія воспользоваться уроками лучшихъ учителей, чѣмъ тѣ, какіе числились въ это время въ штатѣ театральнаго училища. По настоянію И. В. Самарина спеціально для воспитанницы Поздняковой были приглашены г. Басистовъ преподавателемъ русской словесности и г. Толстопятовъ преподавателемъ исторіи. Ни для кого не секретъ, какъ слабо идетъ преподаваніе предметовъ общеобразовательнаго курса въ нашихъ спеціальныхъ театральныхъ училищахъ и по настоящее время, само-собою разумѣется, что въ пятидесятыхъ годахъ дѣло это было поставлено и еще хуже. Такимъ образомъ, только просвѣщенное покровительство И. В. Самарина дало возможность Гликеріи Николаевнѣ въ стѣнахъ театральнаго училища получить столько научныхъ свѣденій, сколько, конечно, никогда бы не было ей преподано, будь она простою заурядною ученицею, пользующейся обычною порціею учености, отпускаемою обычными наставниками училища. Гликеріи Николаевнѣ, благодаря протекціи И. В. Самарина, отпущена была и усиленная и улучшенная порція научныхъ свѣденій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и самъ И. В. Самаринъ занимался съ своею любимою ученицей гораздо усиленнѣе, чѣмъ съ остальными ея подругами, не подававшими такихъ блестящихъ надеждъ, какъ Позднякова.

Гликерія Николаевна очень скоро блистательнымъ образомъ оправдала надежды своего наставника, уже съ 1859 года она начала появляться на подмосткахъ Малаго театра, сначала въ легкихъ водевиляхъ, а въ 1862 году, не имѣя еще и шестнадцати лѣтъ отъ роду, воспитанница Позднякова сыграла уже отвѣтственную роль Вѣрочки въ пьесѣ г. Боборыкина «Ребенокъ» и сыграла ее такъ, что дальнѣйшій сценическій успѣхъ юной дебютантки былъ уже навсегда обезпеченъ.

Любопытно отмѣтить, что та же самая роль Вѣрочки въ «Ребенкѣ» была и первою крупною ролью Полины Антиповны Стрепетовой (въ Рыбинскѣ) и что роль эта исполнена въ первый разъ г-жей Стрепетовой тоже на шестнадцатомъ году.

Черезъ годъ послѣ своего блистательнаго дебюта въ «Ребенкѣ», Гликерія Николаевна была выпущена изъ театральнаго училища и зачислена въ составъ труппы Малаго театра, но уже не подъ фамиліею Поздняковой, а подъ фамиліей Федотовой, подъ которою она скоро и сдѣлалась извѣстною всей Россіи. Дѣло въ томъ, что прямо съ выпускного акта въ школѣ Гликерія Николаевна поѣхала подъ вѣнецъ. Она вышла замужъ за Александра Филиповича Федотова, въ то время (въ 1863 году) студента московскаго университета, впослѣдствіи актера московскаго театра, а затѣмъ содержателя театра Буффъ въ Петербургѣ и павловскаго театра въ первый сезонъ его существованія.

Бракъ девятнадцатилѣтняго студента съ шестнадцатилѣтнею дѣвушкою, конечно, не могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ чуждымъ всякихъ расчетовъ, бракомъ по страсти со стороны обоихъ молодыхъ супруговъ. Взаимному счастью, которымъ они подарили другъ друга, не суждено было, однако, быть особенно продолжительнымъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ свадьбы дороги молодыхъ супруговъ разошлись въ разныя стороны и разошлись, чтобы никогда болѣе не сходиться. Какъ, отчего и по чьей винѣ это произошло, конечно, не время разбирать при жизни обоихъ супруговъ, мы ограничимся, въ настоящую минуту, простымъ, безъ всякихъ комментарій, констатированіемъ этого факта, обойти который молчаніемъ мы не считали умѣстнымъ, во-первыхъ, потому что фактъ этотъ, конечно, не маловажный фактъ въ жизни Гликеріи Николаевны, не оставшійся, по всей вѣроятности, безъ отраженія и на ея сценической дѣятельности, во-вторыхъ, фактъ этотъ давно слишкомъ гласенъ и, какъ намъ положительно извѣстно, ни сколько не скрывается и не маскируется ни самою Гликеріею Николаевною, ни ея мужемъ.

Тѣже соображенія, которыя мѣшаютъ намъ снабдить, хотя бы какими бы то ни было комментаріями фактъ прекращенія совмѣстной жизни Гликеріи Николаевны Федотовой съ ея мужемъ, останавливаютъ насъ и отъ передачи читателямъ подробностей домашней жизни Гликеріи Николаевны и до разлуки ея съ мужемъ и послѣ этой разлуки. Все это можетъ быть изслѣдовано лишь позднѣйшими біографами Гликеріи Николаевны, въ настоящее же время мы можемъ лишь отмѣтить, что бракъ съ Александромъ Филипповичемъ Федотовымъ, по всей вѣроятности, не прошелъ вовсе безслѣдно для Гликеріи Николаевны въ смыслѣ окончательной выработки ея таланта. А. Ф. Федотовъ, какъ актеръ, не отличался, положимъ, особенно крупнымъ дарованіемъ, но онъ, во всякомъ случаѣ и образованный, и развитый человѣкъ, онъ серьезно преданъ театральному дѣлу и серьозно и добросовѣстно относился къ своимъ обязанностямъ, когда былъ на сценѣ. Мы не хотимъ сказать, чтобы совѣты и наставленія мужа создали тотъ успѣхъ Гликеріи Николаевны, какимъ она теперь пользуется, но, позволяемъ себѣ думать, что сожительство, совмѣстный трудъ, совмѣстное чтеніе и занятія съ такимъ человѣкомъ, какъ Александръ Филипповичъ Федотовъ, не могли быть совсѣмъ безслѣдны для развитія и усовершенствованія таланта Гликеріи Николаевны.

Мы думаемъ, что сожительство въ пору самой ранней юности съ молодымъ энтузіастомъ театральнаго дѣла должно было имѣть вліяніе на тѣ упорство и усидчивость труда въ отдѣлкѣ малѣйшихъ деталей исполняемыхъ ею ролей, которые вносятся Гликеріею Николаевною въ каждое новое ея созданіе.

Мы позволимъ себѣ повторить здѣсь слова, сказанныя тоже о Гликеріи Николаевнѣ на этихъ же страницахъ нѣсколько недѣль тому назадъ:

«Ѳ громадности дарованія г-жи Федотовой, сказали мы тогда, нечего и говорить, но, опять таки, всѣмъ знакомымъ съ ея игрою хорошо извѣстно, что она принадлежитъ къ той категоріи крупныхъ талантовъ, въ которыхъ умъ и школа преобладаютъ надъ внутреннимъ чувствомъ и, такъ сказать, инстинктивною даровитостью, которою, внѣ всякой школы, внѣ всякой эрудиціи, потрясаютъ зрителей таланты-самородки другой категоріи».

Талантовъ-самородковъ, намъ, слава Богу, не занимать стать на Руси, громадное большинство ихъ, правда, или гибнетъ въ цвѣтѣ лѣтъ, не доживши до полнаго развитія таланта или, само не понимая и не сознавая размѣровъ своего таланта, маячитъ всю свою жизнь въ спеціальности, не имѣющей ничего общаго съ дѣйствительнымъ характеромъ природнаго его призванія. Тѣ таланты-самородки, которымъ посчастливится не умереть въ началѣ своего пути, которымъ посчастливится попасть на свою настоящую колею и выбраться, по этой колеѣ, на свѣтъ болѣе или менѣе громкой извѣстности, во всю свою карьеру продолжаютъ, обыкновенно, поражать зрителей восторгомъ и удивленіемъ при видѣ громадности ихъ природныхъ дарованій, но, въ тоже время, и глубоко вздыхать о томъ, что такія громадныя природныя данныя остались безъ настоящей разработки въ хорошей школѣ, какъ драгоцѣнный камень безъ надлежащей шлифовки.

Ключъ къ колоссальности успѣха Гликеріи Николаевны именно въ этомъ соединеніи въ ней природнаго дарованія съ высокою школою, какой не имѣетъ за собою ни одна изъ современныхъ русскихъ актрисъ, кромѣ Гликеріи Николаевны.

Мы, петербуржцы, такъ мало привыкли, даже, понимать и цѣнить настоящую школу въ сценическихъ исполнителяхъ и исполнительницахъ, что, въ передпослѣдній ея пріѣздъ въ Петербургъ, три года тому назадъ, когда она провела болѣе мѣсяца въ Павловскѣ, Гликерія Николаевна далеко не встрѣтила со стороны петербургской публики того восторжественнаго пріема, какимъ она давно уже пользовалась въ Москвѣ. Нельзя, конечно, особенно винить петербургскую публику за такой пріемъ. Въ составѣ александринской труппы намъ случалось и то не часто видѣть болѣе или менѣе выдающіеся таланты-самородки, но настоящей школы въ игрѣ мы давно уже, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ оставилъ сцену В. В. Самойловъ, совсѣмъ не видѣли Да, а въ бытность В. В. Самойлова на сценѣ, онъ былъ одинъ одиношенекъ, игравшій обдуманно, съ полнымъ пониманіемъ не только сценической обстановки, въ которой дѣйствуетъ изображаемое имъ лицо, но и съ полнымъ пониманіемъ бытовыхъ,

психическихъ или историческихъ подробностей характера изображаемаго имъ типа. Все вокругъ Самойлова играло ощупью, какъ Богъ на душу пошлетъ, все продолжаетъ такъ играть и понынѣ. Инымъ (немногимъ) удается ощупью доходить до настоящихъ мотивовъ, до вѣрныхъ жизненныхъ картинокъ съ натуры и то, слава Богу, а о настоящей школѣ, о сознательномъ изображеніи сознательно продуманныхъ и понятыхъ всесторонне развитымъ актеромъ типовъ у насъ и помину нѣтъ. Удивительно-ли послѣ этого что мы просто не поняли Гликеріи Николаевны, три года тому назадъ, а проглядѣли, въ ея игрѣ то, чѣмъ именно игра ея отличается отъ игры нашихъ туземныхъ, иногда и очень любимыхъ публикою артистокъ.

За тѣ три года, которые Петербургъ не видѣлъ Гликеріи Николаевны послѣ посѣщенія ею павловскаго театра въ 1876 году, Гликерія Николаевна успѣла объѣхать чуть-ли не всю Россію и вездѣ посѣщенія ея были однимъ непрерывнымъ рядомъ тріумфовъ. Тогда очнулся и Петербургъ и въ нынѣшній пріѣздъ къ намъ Гликеріи Николаевны ее просто на рукахъ здѣсь носили и чуть на части не рвали.

Мы были свидѣтелями овацій Гликеріи Николаевнѣ въ разныхъ театрахъ лѣтнихъ окрестностей Петербурга и смѣло можемъ заявить, что такого шума и треска театръ нашъ не слышалъ даже и въ дни представленій Аделины Патти. Лучше поздно, чѣмъ никогда, только и можемъ мы, конечно, сказать по случаю этого нѣсколько запоздалаго признанія и Петербургомъ громадности дарованія Гликеріи Николаевны, давно уже признаннаго всею Россіею.

Гликерія Николаевна, какъ видитъ читатель изъ сообщенныхъ нами хронологическихъ данныхъ, далеко еще не старая женщина, мы видѣли актрисъ, которыя, имѣя чуть-ли не вдвое болѣе лѣтъ, чѣмъ имѣетъ въ настоящее время Гликерія Николаевна, продолжали исполнять роли ingénue съ такою неподражаемою естественностью и простотою, что публика положительно не вѣрила тому, чтобы прыгающая передъ нею на сценѣ шестнадцатилѣтняя пансіонерка была въ дѣйствительности пожилою особою, вступившею уже въ пятый, а не то и въ шестой десятокъ лѣтъ жизни. Назовемъ, напр., французскихъ актрисъ Луизу Мейеръ и г-жу Лагранжъ-Белькуръ, назовемъ изъ русскихъ даровитую А. И Шубертъ.

Но, не всѣмъ женщинамъ дано сохранить дѣтски-наивную свѣжесть на театральныхъ подмосткахъ до пожилыхъ лѣтъ, какъ это было дано

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Е. ГЮБЛЭНА.

Христа ради!

Луизѣ Мейеръ или г-жамъ Лагранжъ Белькуръ и Шубертъ. Внѣшнія данныя большинства артистокъ при вступленіи ихъ въ четвертый десятокъ не позволяютъ имъ болѣе съ полною для зрителей иллюзіею изображать со сцены наивныхъ подросточковъ. Въ такомъ положеніи находится въ настоящее время Гликерія Николаевна. Какъ умная и развитая женщина, она и сама это поняла и, какъ мы слышали, съ нынѣшняго сезона, намѣрена произвести радикальную реформу въ своемъ репертуарѣ. Приступъ къ этой реформѣ уже и сдѣланъ Гликеріею Николаевною, отказавшеюся, какъ сообщаютъ московскія газеты, отъ роли Фени въ маіоршѣ, перешедшей къ г-жѣ Никулиной.

Всѣ истинные поклонники таланта Гликеріи Николаевны конечно, не могутъ горячо ни привѣтствовать такой разумной рѣшимости Гликеріи Николаевны. Амплуа сильно драматическихъ и бытовыхъ ролей, амплуа, такъ называемыхъ grandes dames и grandes coquettes въ комедіяхъ, представятъ Гликеріи Николаевнѣ еще такой громадный матеріалъ для составленія вполнѣ разнообразнаго репертуара, въ которомъ она можетъ выказать всю силу своего таланта, что ей положительно и разъ навсегда нужно выкинуть изъ своей театральной библіотеки всѣ тѣ роли ingénue, въ которыхъ она когда-то была такъ обворожительна, но съ которыми ей теперь пора покончить.

Отъ души радуясь реформѣ въ артистической дѣятельности, которую намѣревается предпринять Гликерія Николаевна, мы не можемъ воздержаться отъ выраженія еще одного пожеланія, которое невольно подвертывается подъ перо всякому, близко ознакомившемуся и съ громадностью сценической опытности Гликеріи Николаевны и съ громаднымъ ея познаніемъ въ области теоріи и литературы драматическаго искуства. Столько знаній, столько опыта не должно бы остаться безслѣднымъ для пользы грядущихъ театральныхъ поколѣній. У Гликеріи Николаевны всего одинъ сынъ, не предназначаемый ею для сценической карьеры, обидно будетъ, если Гликерія Николаевна не оставитъ въ наслѣдство такъ справедливо гордящейся ею русской сценѣ своихъ учениковъ и ученицъ. Гликерія Николаевна, какъ намъ извѣстно, и теперь уже не отказываетъ въ своихъ совѣтахъ и наставленіяхъ молодымъ, начинающимъ артисткамъ, которыхъ она принимаетъ подъ свое покровительство, но позволительно, кажется, выразить пожеланіе, чтобы педагогическая дѣятельность Гликеріи Николаевны принесла болѣе ши-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА РУБЕНСА.

Борей, уносящій Оритію.

рокіе и опредѣленные размѣры, чтобы она не выражалась въ отдѣльныхъ случайныхъ совѣтахъ и указаніяхъ той или другой изъ многочисленныхъ protégées Гликеріи Николаевны, а проявилось въ видѣ открытія высокоталантливою артисткою систематическаго курса драматическаго искусства, къ преподаванію котораго, мы въ этомъ увѣрены, мало кто такъ способенъ, какъ Гликерія Николаевна.

Послѣ извѣстнаго числа лѣтъ сценической практики присоединеніе педагогическихъ занятій къ чисто актерскимъ должно бы, по нашему крайнему убѣжденію, просто входить въ кругъ нравственной обязанности выдающихся артистокъ и артистовъ.

Мы слишкомъ бѣдны сколько-нибудь свѣдущими въ дѣлѣ преподавателями драматическаго искусства для того, чтобы пополнить собою ряды этихъ преподавателей не было долгомъ лучшихъ представителей нашей сцены. Сверхъ того, только путемъ обращенія наиболѣе талантливыхъ актеровъ и актрисъ въ преподаватели драматическаго искусства могутъ поддерживаться тѣ сценическія традиціи, которыми, напримѣръ, такъ справедливо гордится московская сцена передъ петербургскою.

Живучесть этихъ сценическихъ традицій, какъ это извѣстно всѣмъ театраламъ, весьма важный стимулъ для развитія и процвѣтанія сцены. Отсутствіе этого важнаго стимула, безъ сомнѣнія, одна изъ существенныхъ причинъ глубокаго паденія русской сцены у насъ, въ Петербургѣ. Москва поставлена въ этомъ отношеніи, въ гораздо лучшія условія, но и тамъ вымираютъ, мало-по-малу, тѣ крѣпкіе столпы, на которыхъ главнымъ образомъ, держались стародавнія традиціи лучшихъ цвѣтущихъ временъ московской сцены. Нѣтъ уже ни Щепкина, ни Садовскаго, ни Живокини, ни Ек. Васильевой, нѣтъ уже и Шумскаго, одинъ И. В. Самаринъ остался отъ того блестящаго цикла даровитыхъ людей, которые такъ еще недавно были сгруппированы въ составѣ одной труппы Малаго театра. На выдающихся современныхъ членахъ этой труппы, заставшихъ, хотя бы въ молодыхъ своихъ годахъ, и Щепкина, и Садовскаго живыми и дѣйствовавшими на сценѣ, лежитъ, конечно, прямая обязанность не дать порваться духовной связи между сошедшими уже въ могилу и нынѣ дѣйствующими артистами Малаго театра. А связь эта, конечно порвется, если не поддержатъ ея дѣятели, служащіе посредствующими звеньями между сошедшими въ могилу столпами московской сцены и тѣми новыми силами, которыя не застали уже и не видѣли на подмосткахъ Малаго театра его «славныхъ стариковъ».

На Гликеріи Николаевнѣ Федотовой, конечно, болѣе чѣмъ на комъ-нибудь лежитъ этотъ нравственный долгъ.

Tempi passati. Груда мусора... чего-чего не найдете вы здѣсь! Стоптанные башмачки, украшавшіе когда-то прелестную женскую ножку, и обрывокъ грубаго сапога, протертаго мозолистой мужицкой ногой; остатки широкополой «панамы», въ которой гулялъ въ лѣтній зной какой-нибудь франтъ, и козырекъ отъ солдатскаго «кэпи», побывавшаго и въ походахъ, и въ кабакахъ; обрывокъ когда-то изящнаго волана съ бальнаго платья и клокъ отъ мужскихъ панталонъ; черепки кабачнаго штофа и цѣлую бутылку изъ-подъ шампанскаго... Надъ этой-то бутылкой и задумался «тряпичникъ», задумался о томъ пирѣ, на которомъ она была опорожнена, задумался, можетъ быть, о какихъ-нибудь другихъ пирахъ, на которыхъ когда-то и онъ пилъ шампанское, задумался вообще о нихъ, объ этихъ «tempi passati», объ этихъ «былыхъ временахъ», которыхъ слѣдъ... мусоръ и хламъ. Художникъ съумѣлъ очень хорошо передать этотъ моментъ раздумья надъ остатками былого и своеобразно разработалъ тэму, служившую не разъ поэтамъ для ихъ созданій. Помните, напримѣръ, «Вѣтку Палестины» Лермонтова, «Башмакъ» Франсуа Коппэ?

Ярмарка. Осень — время ярмарокъ по преимуществу; время ярмарокъ — это дни оживанія для сонныхъ провинціальныхъ городовъ. Въ эти дни городъ захлебывается наѣзжимъ людомъ, толпы людей снуютъ на улицѣ съ утра до ночи, торговля оживляется, что-то праздничное отражается на лицахъ даже тѣхъ людей, которые не принимаютъ участія въ продажѣ и куплѣ, которые не проигрываютъ, не выигрываютъ отъ наплыва всѣхъ этихъ кулаковъ, барышниковъ, армянъ, евреевъ, шулеровъ, ремонтеровъ, купцовъ и помѣщиковъ. Одну изъ такихъ оживленныхъ ярмарочныхъ сценъ представляетъ предлагаемая нами картина, замѣчательно хорошо награвированная во всѣхъ мелочныхъ подробностяхъ.

Внезапное открытіе. Оригинальный рисунокъ г. Конопацкаго представляетъ одну изъ будничныхъ сценокъ: двѣ молодыя дѣвушки, гуляя въ лѣсу, дошли до берега рѣки и увидали сидящаго здѣсь знакомаго юношу; онѣ подкрались къ нему, можетъ быть, хотѣли испугать его и вдругъ увидали, что онъ разсматриваетъ чей-то портретъ. Это, конечно, портретъ женщины. Это, конечно портретъ той, которую онъ любитъ! Но кто же она? Надо тихонько подсмотрѣть! И вотъ онѣ крадутся ближе, заглядываютъ; онѣ сейчасъ узнаютъ, кого онъ любитъ... И каждой изъ нихъ думается: «О, если бы это былъ мой портретъ!»

Борей, уносящій Оритійю. Въ нашемъ журналѣ былъ помѣщенъ рядъ статей о Рубенсѣ и потому намъ нечего говорить о талантѣ этого геніальнаго художника. Картина его «Борей, уносящій Оритійю» отличается всѣми достоинствами его другихъ картинъ: сочностью, жизненностью и здоровьемъ, хотя, конечно, въ этой полной фламандкѣ трудно узнать стройную и легкую дочь афинскаго царя, похищенную во время праздничной церемоніи Бореемъ — этимъ сѣвернымъ вихремъ. Рубенсъ, по обыкновенію, изобразилъ плотную, нѣсколько жирную женщину, похожую не на уроженокъ Греціи, а на его собственныхъ соотечественницъ.

Михаилъ Скопинъ-Шуйскій. Оригинальный рисунокъ г. Земцова передаетъ тотъ моментъ, когда М. Скопинъ-Шуйскому подносятъ отраву на крестинномъ пиру у Воротынскихъ. Присутствующіе понимаютъ въ чемъ дѣло и зорко слѣдятъ за происходящей сценой. Хозяйка стоитъ какъ бы въ страхѣ и смущеніи, сознавая совершающееся преступленіе. Рисунокъ исполненъ прекрасно по вѣрности мелкихъ подробностей. Впрочемъ, наши читатели помнятъ, вѣроятно, какъ хорошо былъ исполненъ г. Земцовымъ и рисунокъ «Мѣстничество».

СМѢСЬ.

— Полярная экспедиція Норденшильда. Изъ дальняго востока, изъ Іокогамы, телеграфъ сообщаетъ намъ радостную вѣсть о новомъ торжествѣ человѣческаго терпѣнія, энергіи и науки. Шведскій корабль «Вега», отплывшій изъ Готенбурга 4 іюля 1878 года съ малочисленною, но отважною горстью людей, подъ предводительствомъ Эрика Норденшильда, бросилъ якорь въ гавани Іокогама 2 сент. 1879 г.

Задача, надъ разрѣшеніемъ которой столько предпріимчивыхъ умовъ напрасно трудилось впродолженіи трехъ сотъ лѣтъ, разрѣшена теперь блистательнѣйшимъ образомъ: путь вдоль сѣвернаго берега стараго свѣта найденъ, цѣль такъ долго и напрасно преслѣдуемая британскими, голландскими и русскими путешественниками— достигнута.

Между прочими послѣдствіями, благопріятными для всемірной торговли, открытіе это должно неминуемо повлечь за собою цѣлый рядъ предпріятій, вслѣдствіе которыхъ доступъ къ богатствамъ, скрытымъ въ нѣдрахъ Сибири, сдѣлается болѣе доступнымъ.

Чтобы понять причины неудачъ, которыми до сихъ поръ постоянно сопровождались всѣ попытки изслѣдовать сѣверные берега Азіи, необходимо бросить взглядъ на исторію этихъ попытокъ, начиная съ 1553 года, когда путь этотъ пускались открывать сэръ Вигутби и Ричардъ Шансcляръ, а затѣмъ русскіе промышленники въ промежуткѣ между 1630 и 1724 году; ученыя экспедиціи Мальгина, Челюскина и другихъ съ 1734 по 1775 годъ; Кука въ 1778 году; Билинга и другихъ въ 1787 и 1811 годахъ, Врангеля и Анжу съ 1821 до 1823 года. Изучивши внимательно исторію всѣхъ этихъ путешествій, а также множества другихъ неудачныхъ поѣздокъ, совершенныхъ съ той же цѣлью многочисленными норвежскими купцами, Норденшильдъ пустился въ путь съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ, но удостовѣрился онъ въ вѣрности своихъ предположеній только тогда, когда благополучно совершилъ два раза подъ рядъ (въ 1875 и 76 году) путешествіе отъ Тромзее до устья Енисея, при чемъ почти нигдѣ не встрѣтилъ льда. Тогда только отважился онъ громко выразить свое убѣжденіе въ томъ, что и въ Сибири можно отыскать свободный путь. Цѣлыхъ двадцать лѣтъ жизни посвятилъ Норденшильдъ на изученіе способовъ достичь своей цѣли. Во время своего перваго путешествія, (отъ 8 іюня по 26 сент. 1875 г.) отъ Тромзее черезъ Карскую губу къ устьямъ Енисея и обратно, онъ рѣшилъ, что лучшее время для плаванія черезъ Ледовитый океанъ—это конецъ лѣта и начало осени, такъ какъ въ это время теплыя воды широкихъ рѣкъ, какъ Обь, Енисей и Лена, растапливаютъ вдоль всего сѣвернаго берега Азіи достаточное количество льда для образованія болѣе или менѣе широкаго прохода, черезъ который можно достигнуть до Берингова пролива.

Пароходъ «Вега», отлично приспособленный къ путешествію такого рода, превзошелъ всѣ ожиданія: онъ плавалъ на протяженіи двухъ тысячъ трехъ сотъ морскихъ миль по такимъ водамъ, которыя никогда еще не видывали киля морскаго паровового судна. Благодаря ловкости и отвагѣ лейтенанта Паландера, «Вега» и сопутствовавшій ему корабль «Лена», съ изумительнымъ счастьемъ прошли по неизвѣстному морю, лавируя среди густыхъ тумановъ, безчисленныхъ островковъ, подводныхъ камней и плавающихъ ледяныхъ горъ.

Какъ было сказано, «Вега» отплыла изъ Готенбурга и 18 іюля соединилась въ Тромзее съ «Леной». Этотъ послѣдній пароходъ, снаряженный на счетъ купца Сибирякова, везъ грузъ съ товарами въ Иркутскъ. 25 числа къ нимъ присоединилось еще два корабля съ товарами: «Фрауеръ» и «Экспрессъ». Вчетверомъ они отплыли отъ сѣверныхъ береговъ Норвегіи и 1 августа переплывали Югорскій проливъ, а 6 достигали уже порта Диксона, у устья Энисея. Четыре дня спустя, Вега и Лена пустились въ дальнѣйшій путь. Не взирая на туманы, мелководье и безчисленное множество островковъ, первая цѣль путешествія, а именно—сѣверная оконечность стараго свѣта, была достигнута. Туманъ разсѣялся и передъ глазами путешественниковъ предсталъ, освѣщенный солнцемъ, Челюскинъ мысъ, на 77° 42′ сѣверной широты и 104° 1′ восточной долготы. Представилась уже возможность убѣдиться въ неправильности положенія и размѣровъ извѣстныхъ пунктовъ берега, такъ, напримѣръ, весь Таймирскій полуостровъ оказался на 5 гр. западнѣе, чѣмъ на всѣхъ извѣстныхъ картахъ этой мѣстности. Въ другомъ мѣстѣ «Вега» цѣлыхъ два дня плыла по мѣстамъ, обозначеннымъ до сихъ поръ на всѣхъ морскихъ картахъ какъ твердая земля. 27 августа оба корабля очутились сѣвернѣе устьевъ рѣки Лены и

здѣсь они разстались: пароходъ «Лена» пустилась вверхъ по рѣкѣ къ Иркутску, а «Вега» продолжала свой путь дальше. Мелкій фарватеръ не дозволялъ приблизиться къ южнѣйшему изъ Ляховскихъ острововъ, но 3 сентября пароходъ безъ особеннаго труда проплылъ до Медвѣжьихъ о-въ и только 4 началась борьба со льдомъ. Большія препятствія ожидали экспедицію при обходѣ Баранова мыса, гдѣ уже столько разъ попытки русскихъ путешественниковъ оказывались неудачными. У Якувускаго мыса «Вега» простояла три дня, а у сѣвернаго—пять дней, запертая со всѣхъ сторонъ льдомъ; а затѣмъ снова пустилась въ путь и только послѣ десятидневнаго плаванія все дальше и дальше къ востоку, принуждена былъ остановиться и зазимовать между мысомъ Сердца и Калючинымъ заливомъ, на разстояніи ста миль отъ Берингова залива (67° 6′ сѣв. шир, и 173° 30′ вост. долг.).

Здѣсь, между сѣвернымъ мысомъ и мѣстомъ зимовки, тоже пришлось дѣлать поправки въ картѣ берега. Вслѣдствіе нѣсколькихъ потерянныхъ дней Норденшильдъ принужденъ былъ простоять нѣсколько мѣсяцевъ въ бездѣйствіи. Черезъ американскихъ китолововъ Европа узнала, въ какомъ положеніи находится знаменитый путешественникъ, но письма его окончательно успокоили насъ насчетъ благополучнаго исхода предпринятаго имъ путешествія. Сибиряковъ уже снарядилъ ему въ подмогу новый пароходъ «Норденшильдъ» въ Мальмѣ; а Гордонъ Беннетъ—пароходъ «Жанета» въ Санъ-Франциско. Кромѣ того изъ Иркутска были посланы къ нему на помощь два отряда сухимъ путемъ.

Депеша изъ Іокогамы извѣщаетъ насъ, что искать «Вегу» нѣтъ болѣе надобности; послѣ 264 дневнаго заключенія между льдами, она освободилась отъ нихъ 14 іюля и докончила свой путь.

Намъ еще неизвѣстны подробности тѣхъ наблюденій, которыя члены экспедиціи производили въ области естественныхъ наукъ во время своей зимовки, но письмо Норденшильда заставляетъ предполагать, что море, до сихъ поръ никому не извѣстное, сдѣлалось теперь доступно географическимъ, естественно-историческимъ и геологическимъ изслѣдованіямъ. Въ виду главной своей цѣли экспедиціи Норденшильда не представлялось возможности открывать новыя земли и острова, но тѣмъ не менѣе свѣдѣнія, собранныя ею, представляютъ громадный интересъ. Во-первыхъ, теперь дознано, что море, считавшееся до сихъ поръ непроходимымъ и покрытымъ вѣчными льдами, превращается въ концѣ каждаго лѣта въ широкій проливъ посредствомъ той массы теплыхъ водъ, которую изливаютъ въ него сибирскія рѣки. Понятно, что потребуется еще нѣсколько экспедицій для того, чтобъ опредѣлить въ точности важность этого открытія, и что у «Веги» непремѣнно найдутся усердные послѣдователи преимущественно между русскими; нихъ всѣхъ ближе касается возможность эксплуатировать неисчерпаемыя сокровища, которыми изобилуетъ Сибирь. Примѣръ Сидоровыхъ и Сибиряковыхъ не пропадаетъ даромъ и очень многихъ поощритъ къ дѣятельности; мы уже видимъ, что путешествіе Норденшильда вызвало нѣсколько попытокъ изслѣдовать рѣки Обь, Енисей и Лену; не далѣе какъ въ нынѣшнемъ году по этому пути пойдутъ шесть англійскихъ кораблей и одинъ нѣмецкій. Во всякомъ случаѣ путь проложенъ; послѣдователямъ Норденшильда теперь извѣстно, въ какое время всего удобнѣе совершать это путешествіе, въ какихъ мѣстахъ ледъ представляетъ наименьшее затрудненіе и какимъ именно путемъ надо идти. Однимъ словомъ, самая тяжелая часть задачи рѣшена... Честь и слава человѣку, посвятившему большую часть своей жизни на такую высокую и полезную для человѣчества цѣль.

— **Собаки барона Лопрести.** Къ странностямъ умершаго венгерскаго барона Лопрести принадлежала и его необыкновенная любовь къ собакамъ. Одна изъ газетъ сообщаетъ слѣдующее по этому поводу: украшеніе двора въ созліаерскомъ имѣньи составляла масса собакъ, которыхъ держалъ Лопрести. Какъ онъ заботился о своихъ собакахъ, знаетъ только тотъ, кто былъ удостоенъ счастья обѣдать за однимъ столомъ съ нимъ и его любимыми собаками. Ежедневно къ столу Лопрести приглашалось отъ десяти до пятнадцати собакъ. Но и остальнымъ собакамъ нечего было жаловаться, такъ какъ имъ готовились тѣ же кушанья и тотъ же лакей подавалъ имъ обѣдъ. Содержаніе имъ отпускалось очень хорошее, такъ какъ даже въ 1863 голодномъ году онѣ регулярно получали свою овсянку и по куску мяса, между тѣмъ какъ сотни и тысячи людей голодали и свиньи барона едва-ли имѣли другую пищу кромѣ обрѣзковъ соломы. Когда которая-нибудь изъ любимицъ умирала, то на все имѣніе налагался трауръ. Баронъ удалялся въ свои комнаты и къ нему никто не допускался. Его лакеи изо всѣхъ силъ старались плакать и кухарка вымазывала себѣ лицо сажей, чтобы печаль ея казалась полнѣе, а кучера удалялись въ конюшни и сномъ убивали тамъ свою ужасную скорбь. Однажды барону доносятъ, что одна изъ его собакъ ощенилась, но загрызла щенятъ. Баронъ немедленно приказалъ, чтобы его управляющій учинилъ судъ и приговорилъ бы убійцу своихъ дѣтенышей къ полугодовому тюремному заключенію. Былъ изготовленъ письменный приговоръ и прочтенъ въ присутствіи всей прислуги и всѣхъ собакъ. Осужденная собака должна была немедленно подвергнуться наказанію. На четвертый день баронъ посѣтилъ заключенную въ ея камерѣ и обѣщалъ ей «прощеніе», если она исправится. На четырнадцатый день было, наконецъ, объявлено «помилованіе». Но когда помилованная собака опять ощенилась и опять убила щенятъ, то баронъ былъ такъ разгнѣванъ повтореніемъ проступка, что объявилъ, что не желаетъ держать у себя на своемъ дворѣ такую злодѣйку и приказалъ присудить ее къ смертной казни черезъ повѣшеніе. По прочтеніи приговора, преступница была отведена въ покаянную комнату и на третій день сторожъ за собаками привелъ въ исполненіе приговоръ, между тѣмъ какъ управляющій держалъ къ остальнымъ, собраннымъ по этому случаю собакамъ, рѣчь, чтобы смягчить ихъ сердца. Управляющій, который вовсе не былъ другомъ собакъ, забылся и у него вырвалось выраженіе: «Если вы не будете такъ болтаться...», но опомнился, когда увидѣлъ гнѣвный взоръ барона, устремленный на него, и сказалъ: «то есть всѣ, которыя такъ животны, какъ была эта...» Однажды управляющій получаетъ изъ Петто посылку съ письмомъ отъ барона. Посылка состояла изъ металическаго гроба, въ которомъ покоился «милый Тули». Въ письмѣ баронъ приказывалъ выставить «Тули» на день въ маленькой залѣ и затѣмъ похоронить на дворѣ, рядомъ съ увѣковѣченными «Арой» и «Гекторомъ». Похороны «Тули» были весьма пышныя и сопровождались звономъ заупокойныхъ колоколовъ.

— **Парламентъ на Гаити.** Во время послѣдней революціи въ Гаити, въ законодательномъ собраніи случилось обстоятельство, по своей трагикомичности превосшедшее все, что до сихъ поръ случалось при дебатахъ палатъ. Настоящій поводъ къ происшествію еще неизвѣстенъ, но, кажется, что Пти Каналь, братъ президента, былъ смертельно оскорбленъ другимъ членомъ собранія, г. де-Лормъ, и тотчасъ же выхватилъ револьверъ и застрѣлилъ своего противника. Вслѣдъ за этимъ и остальные члены вынули свои револьверы и обѣ стороны открыли бойкій огонь другъ по другу. Перестрѣлка была удачна, потому что послѣ того сорокъ членовъ навѣкъ лишены были возможности сражаться и говорить рѣчи. Но этимъ дѣло еще не кончилось, потому что въ борьбу вмѣшалась посторонняя публика и продолжала ее, а потомъ явилась полиція и тоже не осталась безучастной. При этомъ былъ убитъ президентъ сената и казалось, что всѣ высокопоставленныя лица съ обѣихъ сторонъ уже пали, когда ворвались войска. Они открыли по дерущимся огонь изъ митральезы и нѣсколько выстрѣловъ гранатами послужили эпилогомъ. Послѣ этого были похоронены убитые и въ Портъ-о-Пренсѣ водворился снова миръ.

— **Кошка, вскормленная собакой.** Въ домѣ практиканта врача Іосифа Мозера въ Зирнингофенѣ недавно окотилась кошка. Замѣчательно, что кошка сейчасъ же послѣ родовъ почувствовала такое отвращеніе къ одному изъ дѣтенышей, что выбросила его изъ гнѣзда и снова повторила это, когда слуги опять подложили его къ другимъ дѣтенышамъ. Тогда хозяева подложили брошеннаго матерью котенка къ собакѣ, которая только-что ощенилась, и собака приняла его ласково, кормила и обращалась съ нимъ, какъ съ своими собственными дѣтенышами, и теперь не только спокойно переноситъ шутки уже порядочно подросшей шаловливой кошечки, но еще находитъ въ нихъ особенное удовольствіе. Между тѣмъ какъ молодая кошка, не видавшая ни капли кошачьяго молока, но только собачье, живетъ съ своей пріемной матерью собакой въ полнѣйшей любви и дружбѣ, кажется, что она положительно забыла свое происхожденіе, такъ какъ при видѣ своей матери или другой кошки она сгибаетъ спину и принимаетъ видъ кошки, встрѣтившейся съ собакой.

— **Женскіе врачебные курсы.** Пріемъ прошеній на женскіе врачебные курсы въ нынѣшнемъ году значительно уменьшился сравнительно съ предъидущимъ годомъ, что слѣдуетъ объяснить главнымъ образомъ двумя обстоятельствами, а именно: введеніемъ съ нынѣшняго года обязательныхъ испытаній изъ латинскаго языка и недопущеніемъ къ пріемному экзамену лицъ, получившихъ образованіе и представляющихъ свидѣтельства на званіе домашней учительницы по одному лишь предмету. Число поданныхъ прошеній въ настоящемъ году всего было только 113, въ предъидущіе же годы оно достигало слѣдующихъ цифръ: въ 1878 г. 177, въ 1877—194, въ 1876 г.—148. Пріемныя испытанія продолжались всего только 4 дня, съ 5-го по 8-е сентября, и имѣли своими результатами принятіе на курсы 77 чел.; предметами испытанія были: русскій языкъ, латинскій и одинъ изъ иностранныхъ (французскій или нѣмецкій), математика (ариѳметика, геометрія, тригонометрія, алгебра) и физика. Менѣе подготовленными экзаменовавшіяся оказались по русскому языку, многія изъ нихъ получили за русское сочиненіе только три, за то экзамены изъ латинскаго языка имѣли результаты болѣе благопріятные и многія изъ будущихъ курсистокъ удостоились по этому предмету полнаго балла (5). Точно также хорошо окончились испытанія изъ новѣйшихъ языковъ, всѣ экзаменовавшіяся могли совершенно свободно читать и переводить съ нѣмецкаго и съ французскаго языковъ, чего не случалось никогда при испытаніяхъ предъидущихъ лѣтъ. Изъ подавшихъ прошеніе о допущеніи къ повѣрочному пріемному испытанію было православнаго вѣроисповѣданія 66 чел., іудейскаго вѣроисповѣданія 40 чел., лютеранскаго вѣроисповѣданія 3 чел., римско-католическаго вѣроисповѣданія 2 чел., армяно-григоріанскаго вѣроисповѣданія 1 чел. Принято же: православнаго вѣроисповѣданія 49, іудейскаго 26, лютеранскаго 1 и римско-католическаго 1. 16-го сентября въ церкви военно-сухопутнаго госпиталя, въ зданіяхъ котораго помѣщаются курсы, совершено было молебствіе предъ началомъ ученія. При этомъ протоіерей Н. Котляревскій произнесъ рѣчь, въ которой указалъ, какое важное значеніе для нашего общества имѣетъ это серьезное, не пугающееся препятствій стремленіе молодыхъ женщинъ къ полученію высшаго медицинскаго образованія, и горячо совѣтовалъ юнымъ слушательницамъ трудиться серьезно и неустанно, чтобы оправдать тѣ добрыя надежды, которыя возлагаетъ на нихъ и правительство, и общество. Ученіе началось 17-го сентября.

— **Нѣчто о прекрасномъ полѣ.** Прекрасный полъ въ Англіи положительно посрамляетъ мужчинъ при университетскихъ экзаменахъ. Списокъ выдержавшихъ кандидатовъ при пріемѣ въ лондонскій университетъ гласитъ, что изъ 63 студентокъ женщинъ выдержало экзаменъ 51, между тѣмъ какъ изъ 856 студентовъ мужчинъ оказалось годныхъ только 475; такимъ образомъ, провалилось только 19 процентовъ первыхъ и 44,5 процентовъ вторыхъ.

— **Биржевыя спекуляціи въ Парижѣ.** По части

страстности и отчаянной смѣлости при игрѣ на биржѣ самыми удивительными спекулянтами слывутъ въ Парижѣ наиболѣе элегантныя представительницы полусвѣта; онѣ спекулируютъ на фантастическія суммы, невиданныя даже во времена имперіи. На парижской биржѣ всѣмъ извѣстно имя одной изъ «этихъ дамъ», отличающейся высокимъ положеніемъ и богатствомъ своихъ «покровителей»; недавно она поставила à la hausse кругленькую сумму въ два милліона гульденовъ венгерской ренты и реализировала изъ нихъ 8 процентовъ, т. е. приблизительно 400,000 франковъ. Изъ числа новѣйшихъ цѣнныхъ бумагъ, какъ напримѣръ, акцій парижскаго учетнаго банка и «Societé de l'union générale» значительныя суммы находятся въ распоряженіи «этихъ дамъ». Дѣлами этихъ львицъ полусвѣта занимаются не только ихъ «друзья», но онѣ сами чрезъ посредство присяжныхъ маклеровъ. Во Франціи существуетъ именно законъ, что присяжные маклера обязаны входить въ дѣловыя сношенія со всякимъ лицомъ, знакомымъ или незнакомымъ, коль скоро лицо это располагаетъ извѣстнымъ залогомъ въ обезпеченіе поручаемыхъ имъ маклерамъ биржевыхъ операцій. Маклера, однакожъ, до такой степени любезно относятся къ «этимъ дамамъ», что довольствуются половиною установленнаго закономъ залога, вслѣдствіе чего эти биржевыя спекуляторши образуютъ многочисленный контингентъ дѣловой лейбъ гвардіи Субейрановъ, Филиппаровъ, Вербруковъ и др. товарищей.

— **Жертва фанатизма.** Напоминающій нѣсколько извѣстное кутаисское дѣло случай убійства евреями христіанки передаетъ «Виленскій Вѣстникъ»: «4 іюля, въ линковскомъ костелѣ, поневѣжскаго прихода (уѣзда), была окрещена молодая, 18-ти лѣтняя еврейская дѣвушка, Елена Н. Послѣ святого крещенія ее помѣстили въ Линковѣ, въ домѣ одной женщины, гдѣ она пробыла до 1-го августа. Въ этотъ день неизвѣстные евреи выманили ее изъ дома и связанную привезли въ мѣстечко Покрой, въ 14-ти верстахъ отъ Линкова, гдѣ втеченіи нѣсколькихъ дней морили ее голодомъ, дѣлая ей въ то же время разныя непріятности. Вслѣдъ затѣмъ они увезли ее въ Ранзивилишки, Шавельскаго уѣзда, и здѣсь въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ мѣстечка умертвили ее, ударивъ несчастную тупымъ орудіемъ по головѣ. Слѣдствіе уже раскрыло всѣ подробности этого ужаснаго преступленія».

— **Приключеніе съ президентомъ Гейзомъ.** На этихъ дняхъ было сдѣлано, безъ пролитія крови, покушеніе на руку и сердце президента Соединенныхъ Штатовъ Гейза. Молоденькая дама, по имени Еммелина Нобль изъ Индіанополя послала доложить о себѣ президенту и была немедленно принята имъ. Войдя, она заключила мистера Гейза въ объятія и объявила ему, что она пришла выйдти за него замужъ. Дама не обращала вниманія на заявленіе президента, что онъ уже женатъ и настаивала на немедленномъ вѣнчаніи. Подъ предлогомъ посовѣтоваться объ этомъ съ другомъ, Гейзъ вышелъ изъ комнаты и послалъ, чтобы избавиться отъ незваннаго гостя за полиціей, которая взяла свадьболюбивую даму на постъ, откуда телеграфировала ея родственникамъ, которые немедленно взяли ее оттуда и отправили въ сумасшедшій домъ. Дама была одѣта очень элегантно и имѣла при себѣ много денегъ.

— **Золотая колыбель.** По словамъ «Times of India», Штернгукеръ и Варзагеръ, священники бирманскаго короля, единогласно предсказываютъ, что при ожидаемомъ въ скоромъ времени разрѣшеніи первой королевы Зоо-фехъ-латъ долженъ родиться сынъ. На основаніи этого предсказанія король Тее-Бавъ для своего наслѣдника и будущаго «короля восходящаго солнца, владыки бѣлыхъ слоновъ, золотого зонтика и проч.» заказалъ люльку, обошедшуюся отъ 20 до 24,000 фунт. стерл. Эта люлька сдѣлана изъ магноліеваго дерева и обита золотыми листами. Кромѣ того она украшена брилліантами, рубинами и другими драгоцѣнными камнями. Внутри колыбели находится мягкая подушка изъ зеленаго бархата, съ богатымъ шитьемъ. Вмѣсто «толпы старыхъ бабъ» колыбель качаетъ механизмъ, который заводится ключемъ, и движеніе можетъ такимъ образомъ длиться нѣсколько дней сряду. Эту колыбель соорудилъ одинъ итальянецъ и она чрезвычайно забавляетъ короля Тее-Бава. Люлька виситъ на золотыхъ снуркахъ, прикрѣпляющихся къ желѣзному шесту, держащему ее на разстояніи двѣнадцати футовъ отъ земли. Ожидаемый наслѣдникъ, по желанію своего отца, будетъ воспитываться по англійской системѣ. Черезъ посредничество одной монахини заранѣе выписано на сумму 5,000 рупій англійское дѣтское приданое для бирманскаго бебе.

— **Конгрессъ ассоціаціи соціальныхъ наукъ.** Соціально-научные конгрессы давно уже занимаютъ видное мѣсто въ ежегодныхъ событіяхъ Англіи, они обнимаютъ обширную область, занимаясь примѣненіемъ всѣхъ возможныхъ наукъ къ обыденной жизни. 23-й по счету конгрессъ, открытый въ Манчестерѣ 1-го октября, раздѣляется на пять отдѣловъ: о реформѣ права, о народномъ просвѣщеніи, о гигіенѣ, о народномъ хозяйствѣ и объ искуствѣ. Епископъ манчестерскій, д-ръ Фазеръ, въ своей вступительной рѣчи указалъ на тѣ задачи, которыя поставилъ себѣ конгрессъ по части улучшенія народнаго благосостоянія, удобствъ жизни и что важнѣе всего—здоровья.

— **Норденфельтовская митральеза.** Какъ пишутъ изъ Лондона въ «Köln. Zeit.», на прошедшей недѣлѣ въ Шоебюрнессѣ подъ руководствомъ коммисіи, назначенной военнымъ министерствомъ и состоящей изъ офицеровъ арміи и флота, производили различные опыты надъ вновь изобрѣтенной Норденфельтомъ митральезой. Преобладающимъ элементомъ въ коммисіи были моряки, по той причинѣ, что вышеупомянутыя митральезы имѣютъ особенную важность для морского дѣла и предназначены къ дѣйствію противъ торпедъ. Достоинства норденфельтовской митральезы очень скоро выказали себя, выстрѣлы слѣдуютъ быстро одинъ за другимъ и пули пробиваютъ панцырные щиты средней толщины на значительномъ разстояніи. Газета «Army and Navy» уже напечатала приказъ адмиралтейства, чтобы военныя суда: «Agincourt», Invincible», «Défence», «Nelson» и «Northampton» были снабжены всѣми необходимыми приспособленіями для вооруженія ихъ норденфельтовскими митральезами.

— **Слонъ-свидѣтель передъ судомъ.** 18 іюля былъ приведенъ молодой слонъ передъ полицейскимъ судомъ въ Лондонѣ въ качествѣ свидѣтеля въ процессѣ о вознагражденіи за убытки, возбужденномъ нѣкоей миссъ Турманъ противъ господъ Бертрамъ и Робертсъ. Дама встала въ коляскѣ, когда появился слонъ близъ Александровскаго дворца и лошади понесли. Она упала и сломала ключицу. Судъ отклонилъ вызовъ оригинальнаго свидѣтеля, который между тѣмъ проводилъ время, бросая хоботомъ шляпы подъ столъ.

— **Поиски фараоновой арміи въ Чермномъ морѣ.** Лѣтъ болѣе пяти тому назадъ въ засѣданіи французской академіи Лессепсъ утверждалъ, на основаніи донесеній своихъ инженеровъ, работавшихъ надъ прорытіемъ Суэзскаго канала, что когда израильтяне вышли изъ Египта подъ предводительствомъ Моисея, то приливъ и отливъ волнъ Чермнаго моря простирался до подошвы Сарагамма, близь озера Тимза. Если это вѣрно, то отсюда слѣдуетъ, что мѣсто, гдѣ израильтяне перешли чрезъ Чермное море, было расположено не на югѣ, а на сѣверѣ нынѣшней оконечности его сѣвернаго рукава. Французскій аббатъ Мэнь (Meigne) въ своемъ журналѣ Les Mondes (Міры) изобразилъ путь сыновъ Израиля день за день, согласно съ этими новыми данными, и теперь, когда сдѣлалось извѣстнымъ мѣсто, гдѣ египтяне погрузились въ морѣ съ конемъ и всадникомъ, съ колесницами и всѣмъ что было при нихъ, онъ обращается ко всему христіанскому міру съ просьбою открыть подписку для пріобрѣтенія фондовъ, съ помощію которыхъ можно было бы сдѣлать раскопки для отысканія остатковъ арміи, пораженной самимъ Всевышнимъ. Ученый аббатъ намѣренъ предпринять этотъ трудъ, когда ему удастся собрать до 300,000 франковъ, потому что, говоритъ онъ, «отысканіе остатковъ фараоновой арміи будетъ сильнѣйшимъ доказательствомъ въ пользу истинности Священнаго Писанія».

— **Американскій атласъ.** Одинъ, пріѣхавшій въ Фрибургъ, американецъ, привезъ съ собой атласъ Митчеля, изданія 1877 года, принятый во многихъ американскихъ школахъ. На картѣ Германіи нѣтъ Берлина, а поименованы только Гамбургъ, Бременъ, Любекъ и Франкфуртъ. Дармштадтъ показанъ датскимъ городомъ, лежащимъ на плодоносномъ островѣ въ Охотскомъ морѣ и имѣющимъ превосходную гавань. Его жители, говорящіе по-исландски, кормятся китовой ловлей. Страсбургъ еще принадлежитъ Франціи, возведенной на степень королевства. Въ Вѣнѣ показано 500,000 жителей, въ Неаполѣ—15,000, въ Генуѣ—150,000. И все въ такомъ родѣ. Американецъ намѣренъ послать въ Америку въ школу, гдѣ учатся его дѣти, нѣсколько нѣмецкихъ школьныхъ атласовъ Ланге и Амгоръ-Ислейба.

— **Американская свадьба.** Свадебная церемонія, не оставляющая ничего желать по простотѣ и опредѣленности при наложеніи брачныхъ узъ, заключается въ методѣ одного судьи въ Каукэки, въ Индіанѣ (сѣверная Америка): «Согласна?» —«Да».—«Согласенъ?»—«Да».—«Вѣнчайтесь! Два доллара». Вотъ такъ лаконично.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 39-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 29-го сентября въ 6 час. 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 30-го сентября въ 12 час. 30 мин. пополудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель **Н. И. Шульгинъ.**
Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

При этомъ нумерѣ «Жив. Обозрѣн.» разсылается гг. подписчикамъ приложеніе: «Руководство къ Гигіенѣ».

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 5 Октября 1879 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)